

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-06-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-06-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

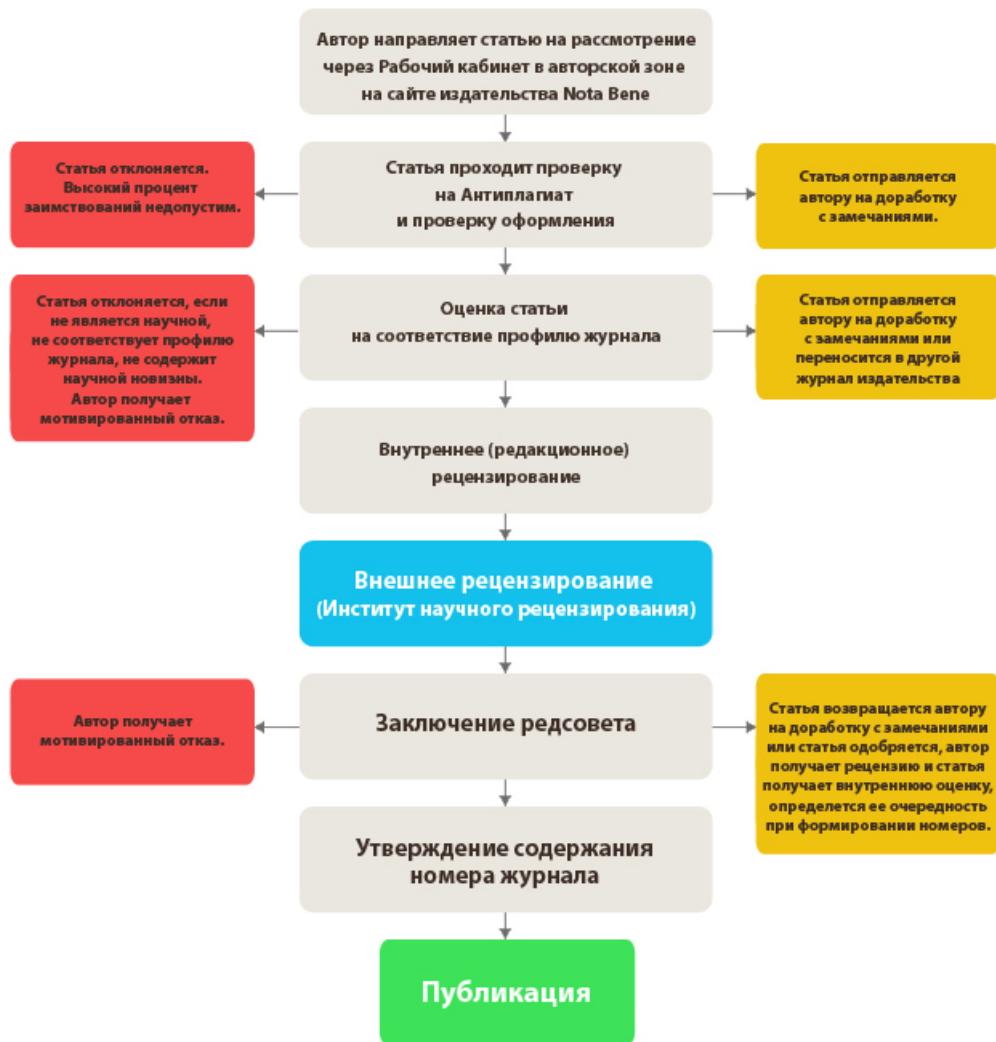
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Корниенко Н.В. Современная утопия: Юваль Ной Харари	1
Грибков А.А. Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений	11
Моркина Ю.С. Проблема общечеловеческого в эпистемологии	22
Любохонская О.В. Философское измерение античной меры и скандинавского лагома	34
Канныкин С.В. «Бегущие тела» под линзой Мишеля Фуко	44
Англоязычные метаданные	65

Contents

Kornienko N.V. Modern Utopia: Yuval Noah Harari	1
Gribkov A.A. Non-subjective artificial intelligence in the system of subject-object relations	11
Morkina Y.S. The Problem of the Universal in Epistemology	22
Lyubokhonskaya O.V. Philosophical dimension of ancient measure and Scandinavian lagom.	34
Kannykin S.V. "Running bodies" under the lens of Michel Foucault	44
Metadata in english	65

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Корниенко Н.В. Современная утопия: Юваль Ной Харари // Философская мысль. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.5.70627 EDN: ZIHFCG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70627

Современная утопия: Юваль Ной Харари

Корниенко Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0003-1968-5575

старший преподаватель, кафедра английского языка в сфере журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ nvkornienko07@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.70627

EDN:

ZIHFCG

Дата направления статьи в редакцию:

02-05-2024

Дата публикации:

11-05-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу современного состояния утопии, в частности уделяется внимание проблеме кризиса утопической мысли, возникшего в конце XX века и продолжающегося по настоящее время. Автором рассматриваются особенности философской критики современности идеолога будущего и футуролога Ювала Ной Харари. Цель данного исследования – выяснить, является ли Юваль Ной Харари утопистом современности, а предлагаемая Ю. Харари модель ближайшего будущего, представляющая собой естественную реакцию общества на общемировой ценностный и идеологический кризис, – современной утопией по признакам. В ходе исследования вопросов, связанных с кризисом утопической мысли современности, автор исходит из постулата о том, что утопия является особым типом прогностической рефлексии, мировоззренческой установкой, выстроенной в ориентации на вероятное будущее. В основу исследования положена концепция К. Манхайма, согласно которой утопия представляет собой установку сознания, ориентированную в будущее, а так же из

определения утопии как идеализированного социального конструкта, принципиально нереализуемого в целом. Научная новизна данного исследования заключается в следующем: определены основные концепты понимания современной утопии, обоснована специфика описания реалий современности, выявлены характеристики, актуальные для мировоззрения XXI века, исходящие из категорий философствования нового толка, выявлены особенности критики Юваля Ной Харари в отношении утопии новой формации. Результат исследования показывает, что Юваль Ной Харари является утопистом нового времени, а его проект считается утопией современности эскапистского типа, в основу которой заложена социальная стратификация. Данная утопия является эскапистской, поскольку для одной части человечества является нереализуемой и является лишь средством бегства от реальности, в то время как для другой его части может служить полноценным проектом будущего, претендующим на реализацию. Ей также присуще такое онтологическое свойство, как темпоральность, поскольку она соответствует реалиям своего времени по содержанию.

Ключевые слова:

утопия, утопизм, будущее, гуманизм, техногуманизм, темпоральность, интерсубъективная реальность, эскапизм, мировоззрение, прогностическое мышление

Как известно, феномен утопии наиболее ярко проявил себя с расцветом гуманизма как идейного течения в эпоху Возрождения, и имеет тесную корреляцию с гуманизмом, суть которого в классическом понимании сводится к мировоззренческой системе, в основе которой - защита достоинства и самооценки личности и свободы, и право на счастье [\[1, с. 196\]](#). Гуманистические идеи о человеческом благе, которые в свою очередь проросли на почве довлеющего христианского доктринального догмата, согласно которому человек на протяжении веков воспринимал себя, и все свои стремления и деяния априорно греховными, придали совершенно новый смысл сущности человека. С провозглашением человека венцом мироздания, демиургом, с появлением новой мысли о счастье и благоденствии как о естественном желании человека, зарождаются и упрочиваются в общественном сознании первые проекты по его достижению, которые сегодня мы знаем под названием «утопия».

За время своего существования утопия претерпела небывалые трансформационные изменения и проявила себя в различных формах – от эфемерных мечтаний о «светлом будущем» до громких манифестов, кардинальным образом менявших ход событий в мире.

Утопия определяется как особая установка сознания (К. Манхейм), грёзы наяву (Э. Блох), социальное мечтание (Л.Т. Сарджент), социальный эксперимент (Э. Мах), ненаучная социальная теория (К. Маркс, Ф. Энгельс), фольклорный жанр (К.В. Чистов). Г. Маркузе, к примеру, определил утопию как «проект социальных изменений, которые считаются невозможными» [\[2\]](#). В рамках социального подхода утопии можно определить как «все те построения лучшего социального будущего, которые не нашли практического осуществления» [\[3, с.3\]](#). Согласно Г. Клеесу, утопия не сводится сугубо к литературному жанру, утопия – это не теологическая ветвь, она также не является исключительно душевным порывом или импульсом, хотя ее элементы, безусловно, обнаруживаются во всех трех ипостасях. Также целью утопии не обязательно является стремление сделать общество лучше [\[4, с.150\]](#).

Утопия как понятие не только обзавелась множеством определений, но обросла собственным дискурсивным полем, представленным такими категориями, как утопические сообщества, утопическая политика, утопическое пространство, утопическое сознание и представляет собой многогранный феномен. Многогранность утопии проявляется также в ее непрерывной концептуальной трансформации, которая привела к появлению ее разновидностей, производных и антиподов, таких, как дистопия, практология, антиутопия и др.

Что касается ее современного состояния, то его можно охарактеризовать словами отечественного исследователя Р.И. Соколовой: «...в последние десятилетия ХХ и начала ХХI вв. поток утопической мысли вдруг оказался прерванным» [\[5, с. 16\]](#).

Данный факт подтверждается результатами недавних исследований. Современный американский культуролог и социолог Кришан Кумар, ссылаясь на работы Ф. Джеймисона, отмечает, что активный период научной фантастики ХХ века пришелся преимущественно на период до 1980-го года [\[6, с. 550\]](#). Что касается последующих лет, то «Утопия при этом если и была еще возможна, то лишь в латентном, потенциальному состоянии, а ее влияние было чрезвычайно ограничено» [\[5, с.17\]](#).

Долгое время существовала утопия глобализации, суть которой заключалась в поддержании в умах человечества идею достижения всеобщего счастья и благоденствия в пребывании в гомогенизированном обществе, в условиях стертых культурных и этнических границ. Ее суть весьма лаконично описал Ф. Джеймисон: «В одном из этих миров социальная дезинтеграция достигла абсолютного уровня — кругом царят убожество, нищета, безработица, голод, грязь, насилие и смерть, — так что детально разработанные социальные схемы утопических мыслителей в этом контексте становятся настолько же пустыми, насколько и неуместными. В другом же мире — невиданное благосостояние, компьютеризованное производство, научные и медицинские открытия, непредставимые еще столетие назад, и столь же удивительное бесконечное разнообразие коммерческих и культурных развлечений» [\[7\]](#). Однако, отчасти по причине того, что одна часть человечества пришла к мысли о недостижимости всеобщего благоденствия, в то время как другая, живущая, как правило, в более развитых странах, вдруг осознала, что она уже достигла этого счастья, утопия глобализации потерпела и продолжает терпеть крах. К. Кумар назвал это явление «глобализованная утопия» [\[6, с. 561\]](#) — сконструированная согласно территориальным, региональным и этническим особенностям как результатом провала утопии глобализации.

При очевидной неоднозначности в отношении феномена утопии становятся предсказуемыми все более громко звучащие манифести о кризисе утопической мысли. Еще в 1970 г. Г. Маркузе писал о том, что «Конец утопии» заключается в том, что «... новые возможности человеческого общества и окружающей его среды нельзя больше считать ни продолжениями старого, ни даже существующими с ними в одном и том же историческом континууме» [\[2\]](#).

При таком положении дел встает вполне очевидный вопрос: почему сегодня, в эпоху широко обсуждаемых тем о неприкосновенности человеческой жизни, всеобщей толерантности, гуманности, наблюдается кризис утопической мысли?

Однако, прежде чем задаться вопросом, действительно ли утопия на данный момент пребывает в кризисе, мы непременно должны учитывать современную ситуацию и понять, в чем состоит сущность гуманизма начала ХХI века, лежащего как в основе

гуманитарного права, так и в основе рассуждений об этике и морали [8]. Отчего же сейчас мы говорим о кризисе утопии, чье назначение, согласно утверждению британского социолога Рут Левитас, в заботе «о человеческой природе и человеческом процветании» [9], и все еще не можем говорить о достигнутом всеобщем благоденствии и счастье, в то время, когда мир все еще утопает в бездне стихийных бедствий, болезней и конфликтов?

Проблематика данного вопроса, на наш взгляд, кроется в следующем: история утопической мысли считается достаточно глубоко изученной в трудах исследователей, начиная от сформировавшихся в XIX веке концептуальных теоретических основ утопии А.Свентоховского, А.Кирхенгейма, А.Фойгта, позднее - Э. Блоха, К. Манхайма, Х. Мараваля, Ф. и Фр. Менюэли, М. Ласки, Э. Роде, Л. Мамфорда и других, и заканчивая работами исследователей XX века Ф. Полака, Р. Мертона, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Фрая, Ф. Фукуямы, В. Чаликовой, а также «отца утопической мысли» Л.Т. Сарджента, его последователя и ученика Т. Мойлана и других. Однако, отмечено, что имеющиеся знания в отношении теории утопической мысли не учитывают современного состояния утопии, равно как и места человека в современном мире.

Сегодня настоящее настолько неуловимо, что любые измышления в отношении него либо становятся мгновенно неактуальными, либо пытаются охватить то, что еще не наступило и актуализироваться, тем самым, опережая свое время. Изъясняясь научным языком, сегодня мы воочию наблюдаем принципы действия «социологии знания», о которых писал К. Манхайм еще в начале XX века. Согласно концепции Манхайма, знание о мире представляет собой систему сведений и убеждений, обладающих коллективной природой: «Лишь в весьма ограниченном смысле индивид сам создает тип языка и мышления, который мы связываем с ним. Он говорит языком своей группы, мыслит в формах своей группы» [10, с. 7]. Знание, согласно Манхайму, подобно языку, зарождается и развивается в социальном контексте, и, помимо научной основы, на которой оно формируется, вбирает в себя ценности и идеалы своей эпохи. К. Манхайм выделяет две системы взглядов, или естественные установки сознания, фундирующие знание человека о мире – идеологию и утопию. Идеология и утопия, выстроенные согласно принципам, закономерностям и мировоззренческим установкам своей эпохи и по известным и предсказуемым для современников механизмам [11, с. 154], тем не менее, оказываются несостоятельными в критике настоящего по причине ложной природы. Идеология – это установка сознания, исходящая из опыта прошлого, в то время как утопия ориентирована на возможное будущее. Однако, как утверждает К. Манхайм, идеология и утопия – это единственные доступные сознанию человека инструменты осмыслиения реальности, являющими собой непосредственную связь общественного сознания и представления о мире. Исходя из этого, мы не можем говорить о кризисе утопии, выражаяемся в ее исчезновении.

И, если, словами К. Кумара, с утратой утопии как литературного жанра утратились и функции, которые выполняла утопия когда-то в прошлые времена [6, с. 554], поскольку современный человек больше не нуждается в «репрезентативной картинке будущего», то утопия как особая установка сознания (по Манхайму), дающая представление о реальности, существует и на сегодняшний день. «...все те трансцендентные бытию представления (следовательно, не только проекции чаяний), которые когда-либо оказывали на историко-социальное бытие преобразующее воздействие» [10, с. 7]. Следовательно, человек XXI века, как и сотни лет назад, все так же склонен осмысливать реальность утопически.

Если Манхейм говорил об идеологии и утопии как о двух равноправных типах осмыслиения реальности, то на сегодняшний день мы по праву можем заявить, что утопизм активно вытесняет настоящее, приходя ему на смену в качестве новой мировоззренческой парадигмы.

В этом аспекте актуальным видится обращение к работам одного из мыслителей современности – идеолога нового вектора развития человеческой цивилизации Юваля Ноя Харари. Философские взгляды, как и личность Юваля Ноя Харари последнее время. Ему посвящены работы в области социологии, культурологии таких исследователей, как Г. Бёме, Я.Г. Риера, И.А. Фроловой, Д.А. Давыдова И.Г. Хангельдиевой, А.С. Мухина и др. Труды Харари представляют интерес в рамках филологических исследований Е. Ю. Визировой. Встречается также негативная критика, где предпринимается попытка уличить автора в стремлении приравнять человека к богу [12]. Датский историк Д. Най, в частности, указывает на категоричность выбранного автором детерминистского подхода и пренебрежение им важностью культурных различий и свободой воли человека в предлагаемой концепции о возникновении единой мировой культуры и неизбежной замене человеческого сознания искусственным интеллектом [13].

На наш взгляд, труды данного автора представляют особый интерес в наши дни, являя собой яркий пример конструкторов идеологии будущего.

Неслучайно одна из его работ названа «*Homo Deus. Краткая история будущего*». Этим названием Харари наглядно показывает, что для современного человека настоящее – это уже история, прошлое, которое не имеет смысла актуализировать, и, чтобы успеть за современными тенденциями, его взгляды его должны быть устремлены в будущее. «*Homo Deus. Краткая история будущего*» – это труд, описывающий будущее, вероятность наступления которого подтверждается происходящими вокруг нас событиями настоящего.

Главное отличие проекта будущего Харари от предшествующих, на наш взгляд, заключается, в концептуальном различии составляющих элементов, а именно – статус реальности, статус человека в этой реальности, и, наконец, что составляет счастье нового человека в новой реальности.

В первую очередь, это отличие проявляется в качественно ином статусе реальности. Помимо объективной и субъективной, человечеству XXI века стал доступен еще один тип реальности – интерсубъективный. Интерсубъективная реальность служит связующим мостом между реальностью объективной и субъективными реальностями индивидов. Это реальность создаваемых человеком смыслов, или мифов, явившаяся результатом многолетней уникальной коллективной деятельности человека по созданию интерсубъективных сущностей, которые в свою очередь являются результатом человеческого воображения. Способность к воображению и создавать эти сущности служит главным отличием человека от животного. Человек, будучи творцом интерсубъективной реальности, в то же время пребывая в ней, способен создавать смыслы, менять их, трансформировать, а также избавляться от них. Как отмечает Н. Зангвилл, создание мифов – это величайшая способность человечества, и право, в частности, право на свободу – один из ее основополагающих мифов [14]. Харари предсказывает, что «...интерсубъективная реальность поглотит реальность объективную, и биология сольется с историей. Таким образом, миф может стать в XXI веке самой мощной силой на Земле – почище блуждающих астероидов и естественного отбора» [15, с. 180]. Это означает, что, сместив субъектно-объектную реальность на периферию, будет

достаточно разрушить старые смыслы и создать новые, чтобы кардинальным образом изменить реальность.

Определяя человека XXI века как «самое уязвимое живое существо» на планете, имея ввиду не только его физическую, сколько сущностную незащищенность, Харари ставит человека на одну ступень с животными, называя его «animal». Стоит заострить особое внимание на том, что составляет сущность человека в современном мире. Предоставив доступ к своей биологической и информационной составляющей, человек, оставаясь при этом целостным физически, становится уязвимым сущностно. Его легко «взломать» маркетинговым компаниям и рекламным агентствам, которые владеют технологиями и знают алгоритмы, способные воздействовать на его настроения и предугадать желания, в результате чего человек становится легко управляем.

Как известно, в переводе с английского языка слово «animal» означает «животное». Однако современная трактовка в словаре «General Multilingual Environmental Thesaurus» дает его следующее определение: «Живой организм, характеризующийся способностью свободно передвигаться, наличием клеток с нецеллюлозными стенками и специальными органами чувств, которые обеспечивают быструю реакцию на внешнее раздражение, а также потребление сложных органических веществ, таких как растения или другие животные» [\[16\]](#). Под данное определение подходит и человек как биологический вид. Очевидно, данный факт является подоплекой к рассмотрению вопроса о признании животных и людей существами одного порядка.

В этом ключе мы можем наблюдать живой пример реализации предлагаемого проекта Харари в действии: 28 марта 2024 года вышла в свет новость о том, что король коренного народа Новой Зеландии Маори потребовал придать китам статус личности наравне с людьми [\[17\]](#). Примечательно, что ранее, в 2017 году Маори признали личностями гору Танганаки и реку Ванганду [\[17\]](#). Можно сказать, что с одной стороны, это пример того, как элементы мифологического мышления встраиваются в светскую картину мира. С другой же стороны, при таком подходе к осмыслению человека, безусловно, мы не можем говорить и о гуманизме в его традиционном понимании, который, как упоминалось нами выше, объявив когда-то человека венцом творения, в свое время послужил одной из основ утопической мысли. Человек новой формации может жить только в рамках техногуманизма – в условиях, где он является частью гомогенизированной массы наряду не только с себе подобными, как это манифестируала утопия постиндустриализма, но и с животными, а также с роботами и машинами, обладающими искусственным интеллектом, при этом, желательно, не идентифицируя себя как Человек.

Что же будет составлять счастье человека новой формации?

В начале своего труда «Homo Deus. Краткая история будущего» Юваль Харари пишет о том, что на протяжении веков главными врагами человечества были голод, эпидемии и войны. Общество без войн, голода и повальных смертей от неизлечимых болезней столетиями мечталось человечеством как высшее благо. Большинство утопических сюжетов выстраивались таким образом, чтобы одолеть этих врагов, и тем самым обрести всеобщее счастье. В XXI веке произошла кардинальная смена мировоззренческих ориентиров: эпидемии перестали быть угрозой благодаря изобретению антибиотиков, отпала необходимость вести войны за территории и ресурсы, а голод в современном мире априори невозможен: «В начале XXI века среднестатистический житель планеты Земля скорее погибнет от переедания в «Макдональдсе», чем от сквозняка, Эболы или

теракта «Аль-Каиды» [15, с.10]. Харари предполагает, что современный человек более озабочен не борьбой с голодом, а с перееданием, в частности, с потреблением таких продуктов, как сахар и мясо, которые еще вчера составляли обычный рацион человека.

Следующая составляющая счастья нового человека, по мнению Харари, – это стремление к бессмертию и вечной молодости. Поскольку человек никогда не мирился с фактом смерти как неотъемлемой части человеческого бытия, идея бессмертия волновала его испокон веков. Обладая рациональным мышлением, совершив открытия в области науки и техники, он сегодня в особенности озабочен проблемой конечности своей экзистенциальной сущности. В XXI веке наука, кажется, как никогда близко подошла к воплощению в реальность идеи вечной жизни, которая до этой поры была доступна лишь в мифических и библейских сюжетах, в религиозных или эзотерических практиках, либо в рамках отдельных представлений о бессмертии души и о ее перевоплощении. Поводом к этой мысли явился тот факт, что примерно с 1920-х годов стала заметно снижаться детская смертность, а продолжительность человеческой жизни за относительно короткий срок выросла приблизительно с 40 до 70 лет. Помимо этого, «Головокружительный рывок в таких областях как генная инженерия, регенеративная медицина и нанотехнологии, дает основание для самых радужных прогнозов» [15, с. 34]. Еще в 2005 году американский изобретатель и футуролог Р.Курцвейл предположил, что к 2045 году человеку удастся вплотную подойти к бессмертию: нанотехнологии достигнут такого уровня, что позволят заменять органы искусственными имплантатами, менять внешность, и даже восстанавливать человеческий мозг и сознание, практически искоренив понятие смерти [18].

Однако, стремление человечества к бессмертию невольно повлечет за собой глубинные изменения в устройстве общества, что говорит об утопическом характере предлагаемого проекта будущего, его социальной природе. Харари предупреждает, что, когда наука преуспеет в борьбе со смертью, человечество встретится с войной нового формата – войной за вечную молодость.

Рассуждая о продолжительности жизни в ближайшем будущем, Харари исходит не из безосновательных фантазий, а из принципов рациональной логики и основывает свои суждения на уже имеющихся результатах в области технологий и медицины, и предлагает более реалистичный возраст – это 90 лет. В этом случае мы можем отметить еще одно свойство, присущее утопии – это ее релевантность, логическая рациональность и обоснованность.

Итак, современный человек живет в мире, где, казалось бы, он добился целей всех предшествующих утопий, составлявшей представление о счастье. Однако он все еще пребывает в состоянии неудовлетворенности и, очевидно, желает пребывать в состоянии перманентной эйфории счастья: «Хотя мы и покончили со многими из вчерашних бед, обрести настоящее счастье человеку будет гораздо сложнее, чем избавиться от открытых общественных язв» [15, с. 44]. Как отмечает Харари, человек больше не заинтересован в самом процессе стремления к счастью, он хочет счастьем обладать здесь и сейчас, и тезис Эпикура, на который ссылается автор, оказывается неприменим по отношению к современному человеку. Он всенепременно желает оспорить прямую взаимосвязь труда и счастья, поэтому его устремления обращены в сторону новейших разработок в области биохимии мозга и управления человеческими чувствами и эмоциями на уровне фармакологии [15, с. 54].

Возвращаясь к проблеме кризиса утопии, стоит обратить внимание на точку зрения

Харари в этом вопросе. Он говорит о возможном конце утопии, давая при этом вполне рациональное обоснование. По мнению Харари, любые устремления человека становятся достижимыми при условии, если интеллект человека будущего останется неизменным [15, с. 59]. Это означает, что любая утопия закончится, как только сознание человека начнет осмысливать реальность иными категориями. Тем самым, Харари указывает на прямую связь утопии и картины мира, в рамках которой она рождается. Исходя из того, что утопия выстраивается согласно канонам и понятиям, обусловленным текущей исторической эпохой, мы можем говорить о наличии свойства, присущего утопии – это темпоральность [19], когда содержание, форма и назначение утопии актуализированы реалиями своего исторического времени.

Заключение.

Исходя из определения утопии как идеализированного социального конструкта, принципиально нереализуемого в целом, можно утверждать, что предложенный Ю. Харари проект будущего является утопией, а ее «создатель» является утопистом современности. Пользуясь терминологией Л. Мамфорда, по нашему мнению, предложенная Ю. Харари утопия является утопией эскапистского типа [20] поскольку, имея в своей основе цель – стремление к всеобщему счастью и благородству, ее сутью является скрыть злободневность насущных проблем, заменив их новыми угрозами, которые по мнению ее автора, представляют большую опасность. Если кто-то принимает решение сесть на диету, отдавая дань следования моде, в это же время кто-то может страдать от недоедания. Если на одном конце Земли кого-то волнуют личностные права китов, на другом конце планеты у кого-то может не быть права на достойное жилье и образование. Иными словами, в попытке осчастливить одну часть человечества, в то же время утопия представляет собой ширму, за которой, как и сотни лет назад, кроются все те же насущные угрозы, такие, как голод, войны и эпидемии, по-прежнему представляющие угрозу для другой его части.

Поэтому, мы можем утверждать, что утопия Юваля Ной Харари – это модернистская утопия, исходящая из рационально-логических установок капиталистического мира, основой которой служит социальная стратификация. Утопия XXI века, описанная Ювалем Харари, на наш взгляд, полностью соответствует классическому определению утопии, поскольку также имеет своей целью достижение всеобщего счастья и благородства. Однако в современном мире достижение всеобщего счастья и благородства обрело иной концептуальный смысл ввиду концептуальных изменений, обозначенных интерсубъективной реальностью. И в этом заключается главное отличие современной утопии от всех предыдущих.

Безусловно, представленный анализ не является полным и всеобъемлющим, поскольку он освещает лишь отдельные аспекты исследовательской деятельности Юваля Ной Харари. Феномен утопии современности также требует дальнейшего исследования, поскольку по мере своего развития, являясь неотъемлемой частью цивилизационных процессов, продолжает претерпевать концептуальные трансформации, которые продолжают представлять огромный интерес для исследователей.

Библиография

1. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2006.
2. Маркузе Г. Конец утопии. Пер. с англ. Смирнова А. Herbert Marcuse, Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia. Boston: Beacon Press. 1970. pp. 62-69. [Электронный ресурс]. URL:https://scepsis.net/library/id_2671.html (дата обращения: 03.03.2024).

3. Тотомианц В.Ф., Устинов В.М. «Утопии»: социальный рай на земле. М.: Библиотека "Революция и культура", 1917.
4. Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 3. С. 148-160.
5. Соколова Р.И. Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций. Философские науки. 2019. № 62(5). С. 7-26. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26> (дата обращения: 03.03.2024).
6. Kumar K. The Ends of Utopia. New Literary History. 2010. vol. 41, No. 3. Pp. 549-69. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/40983884>. (дата обращения: 04.04.2024).
7. Джеймисон Ф. Политика утопии. // Художественный журнал, 2011, № 84. [Электронный ресурс]. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/13/article/173> (дата обращения: 04.04.2024).
8. Feldman I., Ticktin M. eds. In the Name of Humanity: The Government of Threat and Care. Durham, NC: Duke University Press, 2010.
9. Levitas R. Utopia as method: The imaginary reconstitution of society. London: Palgrave. 2013. 268 p. Pp. 153-154.
10. Манхейм К. Идеология и утопия / К. Манхейм – Текст: непосредственный // Манхейм К. Диагноз нашего времени: [Сборник: Пер. с нем. и англ.]. М.: Юрист, 1994.
11. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; [пер. с нем. и англ.] – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга». 2010.
12. Van Niekerk A.A. Building the future in the 21st century: In conversation with Yuval Noah Harari. HTS Teologiese Studies/Theological Studies. 2020. No. 76(1), a6058. URL: <https://doi.org/10.4102/hts.v76i1.6058>.
13. Nye D. Harari's World History: Evolution toward Intelligence without Consciousness?. Technology and Culture. 2021. No. 62. Pp. 1219-1228. DOI 10.1353/tech.2021.0160.
14. Zangwill N. Yuval Harari on Human Rights and Biology. Think. 2024. No. 3. Pp. 59-63. URL: <https://doi.org/10.1017/S1477175623000507>
15. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2020.
16. General Multilingual Environmental Thesaurus (Заголовок с экрана). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eionet.europa.eu/gemet/en/concept/450> (дата обращения: 10.04.2024).
17. The song of our ancestors has weakened: the king of the Maori wants to give rights to whales (Заголовок с экрана). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paudal.com/2024/03/28/the-song-of-our-ancestors-has-weakened-the-king-of-the-maori-wants-to-give-rights-to-whales/> (дата обращения: 12.04.2024).
18. Kurzweil R., Grossman T., M.D., Fantastic Voyage: Live Long Enough to Live Forever. New York, Penguin, 2005.
19. Корниенко Н. В. Онтологические свойства утопии / Н. В. Корниенко // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5(109). С. 146-152. DOI 10.24158/fik.2023.5.21.
20. Мамфорд Л. Миф машины /Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит / Сост. и общ. ред. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Современная утопия: Юваль Ной Харари» выступает

концепция социального развития, представленная в работе Ю.Н. Харари «*Homo Deus. Краткая история будущего*». Автор статьи не ограничивается анализом названного труда, описывающего будущее, вероятность наступления которого, по мнению израильского футуролога, подтверждается происходящими вокруг нас событиями настоящего, но дает его оценку в контексте решения проблемы «конца утопии». Со ссылками на таких исследователей как Ф. Джеймисон, К. Кумар, Р.И. Соколова, автор статьи обращается к распространенному мнению о том, что утопия на данный момент пребывает в кризисе. Однако, прежде чем приступить к его обсуждению, автор предлагает понять, в чем состоит сущность гуманизма начала XXI века. Таким образом можно сказать, что в статье обсуждаются такие вопросы как: определение утопии, критическое рассмотрение вопроса о закате утопии, анализ изменений понимание гуманизма, произошедших с приходом нового столетия, анализ взглядов Ю.Н. Харари с позиции презентации в них новых гуманистических установок и традиционной утопической интенции.

Методология исследования ориентирована на герменевтический анализ работы «*Homo Deus. Краткая история будущего*». Автор предпринимает исторический анализ по отношению к контексту возникновения и выявления специфики утопической мысли, проводит сравнительный анализ различных оценок утопии как типа мысли.

Актуальность исследования связана, с одной стороны, с ситуацией «кризиса утопии» и кажущемся отсутствием интереса к позитивным социальным проектам. С другой стороны – в обращение к работам идеолога нового вектора развития человеческой цивилизации, современного футуролога и военного историка-медиевиста Юваля Ноя Харари. Автор статьи не без основания полагает, что труды данного мыслителя представляют особый интерес, являясь ярким примером конструкторов идеологии будущего.

Научная новизна представленного исследования заключается в критике позиции «заката утопии» и убедительной демонстрации продолжающейся актуальности утопического дискурса. На примере утопия Юваля Ноя Харари, автор демонстрирует сохраняющуюся установку утопического сознания на достижение всеобщего счастья и благополучия, которая в этой модернистской утопии, вытекает из рационально-логических установок капиталистического мира, основой которой служит социальная стратификация.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований. Статья написана хорошим, легко читаемым языком. Присутствующее цитирование уместно и оживляет текст.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной проблеме. Повествование выстроено по принципу рондо, когда автор обращается к вопросу появления утопии и связывает его с началом гуманистического мировоззрения, затем раскрывает тему кризиса утопии на фоне разрешения основных утопических идеалов, и в новом круге обращения к утопии, на примере Ю.Н. Харари, демонстрирует сохранение в современной западной культуре ключевого утопического посыла на всеобщее счастье и благополучие, и видоизменение сохранившихся установок с учетом отвлечение понятия гуманизма собственно от человека.

Библиография статьи включает 20 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует как в части работы, посвященной природе утопии и ее возможному кризису, так во второй части, когда автор привлекает мнения исследователей, изучающих работы Ю.Н. Харари.

Статья заинтересует социальных философов, социологов и футурологов. Будет понятна широкому кругу читателей.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Грибков А.А. Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений // Философская мысль. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.5.70817 EDN: WPGRUS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70817

Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений

Грибков Андрей Армович

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник; Научно-производственный комплекс "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.70817

EDN:

WPGRUS

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2024

Дата публикации:

24-05-2024

Аннотация: Расширение функциональных возможностей систем искусственного интеллекта актуализирует вопрос о возможности их автономной деятельности, направленной на познание и созидание мира. Значимым фактором, определяющим свойства искусственного интеллекта, является наличие у него субъектности. Вопрос о влиянии наличия субъектности на функциональные возможности искусственного интеллекта – дискуссионный, ответ на него зависит от того, является ли реальный мир детерминированным. Если мир детерминирован, то для обеспечения функциональности искусственного интеллекта его субъектность не является необходимой. Субъектность, однако, необходима для инициализации познавательной или созидательной активности. Возникают обоснованные вопросы относительно способности несубъектного

искусственного интеллекта быть самодостаточным субъектом познания, возможности объединения человека с искусственным интеллектом в составе интегральных субъектов познания. Кроме того, необходима оценка возможной альтернативной интерпретации субъект-объектных отношений. Для ответа на эти вопросы в статье предлагается рассмотреть свойства субъектности и самосознания, их влияния на способность субъекта к познанию и созиданию мира. Исследования показывают, что возможны две основные формы участия несубъектного искусственного интеллекта в системе субъект-объектных отношений: в составе интегрированного субъекта познания, в котором ведущую роль играет человек-оператор, либо полностью автономное функционирование искусственного интеллекта, инициализируемого (формализуемыми или неформализуемыми) задачами удовлетворения потребностей человека. Анализ свойств познания посредством искусственного интеллекта и других когнитивных систем показывает, что способность выступать в качестве субъекта познания формируется не при формировании субъектности, а на более низком уровне – уровне формировании самосознания, доступном сравнительно несложным когнитивным системам, как естественным, так и искусственным. Вывод о непосредственной связи самосознания и способности к познанию следует из определения познания в логике противопоставления субъекта и объекта, соответствующей гносеологической интерпретации субъект-объектных отношений. Возможна, однако, и альтернативная – онтологическая интерпретация, которая отожествляет бытие и сознание. Сознание объединяет в себе все и есть всего один субъект познания (человек или Дух), который познает сам себя. Такое идеалистическое понимание мира соответствует философии иррационализма, в рамках которой достоверный ответ на вопрос о необходимости субъектности для решения интеллектуальных задач получить невозможно.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, когнитивная система, субъектность, субъект-объектные отношения, сознание, самосознание, гносеология, онтологическая интерпретация, познание, несубъектный

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда по гранту № 24-19-00692, <http://rscf.ru/project/24-19-00692/>

Введение

Наблюдаемое в последние десятилетия активное развитие в области информационных технологий к настоящему времени подготовило все необходимые условия для создания систем искусственного интеллекта. Пока системы искусственного интеллекта представлены системами машинного обучения (наиболее продвинутые – системами глубинного машинного обучения) и обладают ограниченными возможностями решения интеллектуальных задач. Тем не менее, наблюдаемое расширение области применения таких систем и рост их возможностей уже актуализирует ряд фундаментальных философских вопросов, имеющих большое цивилизационное значение.

Функцией искусственного интеллекта является замещение человека в решении интеллектуальных задач, важнейшими из которых являются задачи, связанные с управлением машинами, обеспечивающими удовлетворение потребностей человека. Интеллектуальной называется задача, «для которой не существует общепризнанного (классического) решения, поэтому чтобы решить такую задачу, необходимо придумать

способ решения» [\[1\]](#).

Вопрос о том, какого уровня способен достигнуть искусственный интеллект, не имеет пока окончательного ответа. Одним из ключевых факторов, определяющих ответ на этот вопрос, является наличие или отсутствие необходимости в субъектности искусственного интеллекта для приближения его способностей к человеческим. Субъектность при этом понимается как способность быть субъектом активности, в том числе в отношении объектов познания. Такое понимание субъектности приближает его к самости – способности субъекта выйти из-под власти внешних причин и создать воспроизводящийся порядок жизни, детерминируемый изнутри [\[2\]](#).

Предыдущие исследования [\[3\]](#) показали, что ответ на вопрос о необходимости субъектности зависит от того, как мы представляем себе реальный мир. Если мы представляем его как недетерминированную систему, в которой творчество – иррациональный (недоступный постижению разумом) процесс, то достоверного ответа на вопрос о необходимости субъектности мы получить не можем. Мы лишь знаем, что человек может решать интеллектуальные задачи и обладает субъектностью. Если мир детерминирован, все в нем имеет причины и (теоретически) может быть объяснено, то между вычислительной или логической задачей (с которой прекрасно справляется обычный компьютер) и интеллектуальной задачей нет качественного различия. В этом случае для выполнения искусственным интеллектом своей функции решения интеллектуальных задач субъектность не требуется, а необходимо лишь расширение имеющихся знаний. Философское осмысление первичных свойств бытия и структурообразования материи на самом низком уровне ее организации [\[4; 5\]](#) дает достаточные основания полагать, что в действительности мир качественно не является бесконечно сложным, детерминирован и в его основе лежат механизмы, имеющие рациональное объяснение. Таким образом, можно с большой долей уверенности предположить, что для решения интеллектуальных задач субъектность не является необходимой.

Одной из определяющих ипостасей теории познания является ее гносеологическое представление через субъект-объектные отношения. Когда в качестве субъекта познания различных объектов в мире выступает человек, никаких противоречий не возникает: познание осуществляет субъект, обладающий субъектностью. Иная ситуация в случае, когда познание осуществляет искусственный интеллект, не обладающий субъектностью. Может ли несубъектный искусственный интеллект быть субъектом познания? Или, может быть, здесь нет никакой проблемы и все сводится к терминологической двусмысленности, и от субъекта познания не требуется субъектность? По мнению В. Декомба необходимо признать множественную гетерогенность термина «субъект» ввиду «невозможности объединить в едином концепте все употребления свойств «субъект», «субъективный», «самость», «эго», «я», «себя» и так далее...» [\[6, с. 13\]](#).

В данной статье мы планируем рассмотреть ряд вопросов, которые представляются автору важными для философского познания, осуществляемого при включении в систему субъект-объектных отношений несубъектного искусственного интеллекта. К числу указанных вопросов относятся: возможность и необходимость несубъектного искусственного интеллекта быть самодостаточным субъектом познания, объединение человека с искусственным интеллектом в составе интегральных субъектов познания, возможность альтернативной интерпретации субъект-объектных отношений.

Проблематика субъект-объектных отношений с участием искусственного

интеллекта

Данная проблематика может быть формализована в виде двух областей исследования: во-первых, использование искусственного интеллекта как одного из инструментов, включаемых в интегральную познавательную систему, ядром которой является человек, и, во-вторых, способность искусственного интеллекта быть самодостаточным субъектом познания.

Субъектом, как известно, может быть не только человек, наделенный субъектностью, но и совокупность людей (как биологических индивидов, социальных индивидуумов или социокультурных субъектов – личностей), объединенных общностью потребностей в группу. В качестве субъектов, в частности, могут выступать организации (экономические, политические, образовательные, религиозные и др.), объединяющие людей и имеющиеся у них средства познания и созидания мира. Указанными средствами являются накопленные материальные и интеллектуальные ценности, в том числе знания и различные технические средства. Важной составляющей последних являются вычислительные системы, в частности, системы машинного обучения и более сложные системы искусственного интеллекта.

Познание и созидание мира в настоящее время невозможно без использования всего спектра информационных технологий, призванных расширить возможности человека (а на перспективу – в большей или меньшей степени заменить человека) в решении задач, связанных с обработкой больших объемов информации. Можно констатировать, что интегральные субъекты познания, включающие человека и вычислительные системы (в том числе искусственный интеллект в виде систем машинного обучения), уже актуальны и широко распространены. При этом ведущая роль в таких системах пока сохраняется за человеком (человеком-оператором).

Искусственный интеллект, даже не обладая субъектностью (самостью) способен в рамках поставленной человеком задачи формулировать требуемые для ее решения частные подзадачи. В зависимости от уровня искусственного интеллекта его способности выходить за пределы изначально поставленной задачи существенно различаются. Не существует четкой границы возможностей искусственного интеллекта, в том числе интеллекта, не обладающего субъектностью. Отсутствие субъектности, однако, накладывает ограничение, которое связано с инициализацией активности (в том числе, познавательной и созидательной) целью удовлетворения потребностей, которые есть у человека, наделенного субъектностью, но отсутствуют у несубъектного искусственного интеллекта.

Способность искусственного интеллекта выходить за пределы изначально поставленной задачи определяется степенью его автономности. Вопрос о степени автономности искусственного интеллекта – комплексный, складывающийся из двух основных составляющих.

Первая составляющая вопроса о степени автономности искусственного интеллекта сводится к разделению автономности на три уровня. Назовем их уровнем императивного программирования, уровнем декларативного программирования и уровнем креативного искусственного интеллекта.

Первому уровню соответствует минимальная автономность, необходимая для выполнения детальных пошаговых инструкций (программы), формируемых человеком-оператором. Формирование дополнительных подзадач, корректировка изначальной задачи в процессе выполнения не предполагаются. Такая степень автономности коррелирует с

императивной парадигмой программирования [7].

Второму уровню автономности искусственного интеллекта соответствует его способность формировать инструментарий достижения поставленных человеком целей. Указанный инструментарий может формироваться на программном уровне или включать в себя возможности аппаратного расширения искусственного интеллекта в соответствие с потребностями, возникающими в рамках выполняемого задания. Второй уровень автономности коррелирует с декларативной парадигмой программирования [7].

Третьему, самому высокому уровню автономности искусственного интеллекта, соответствует его способность к постановке интеллектуальных задач. Для такого креативного искусственного интеллекта актуальной становится проблема субъектности. Однако, как уже было отмечено выше, для выполнения своего функционального назначения профессиональному интеллекту необязательно обладать субъектностью.

Вторая составляющая вопроса о степени автономности искусственного интеллекта заключается в определении потребного уровня автономности для решения различных задач. Основная функция когнитивных систем, частным случаем которых являются системы искусственного интеллекта, состоит в замещении человека в управлении машинами, производящими блага (материальные и духовные ценности) для удовлетворения потребностей людей [8]. Для решения подавляющего большинства задач управления машинами, вплоть до систем управления технологическими процессами и производствами, автоматизированных и роботизированных цифровых производств, достаточно возможностей систем искусственного интеллекта уровня императивного или декларативного программирования. Для решения некоторых задач, связанных с обработкой больших объемов данных (например, при распознавании образов или речи, сбора, классификации и кластеризации разнородной информации и т.д.) необходим креативный искусственный интеллект, который обычно строится на основе искусственных нейронных сетей. Однако, даже в этом случае, в его субъектности нет необходимости.

Таким образом, на первых двух уровнях автономности систем искусственного интеллекта они выступают в качестве составляющих интегральных субъектов познания, ведущая роль в которых сохраняется за человеком-оператором. В случае реализации креативного искусственного интеллекта возможны как интегральный субъект познания, включающий человека-оператора и подчиненный ему несубъектный искусственный интеллект, так и полностью автономный искусственный интеллект. В последнем случае искусственный интеллект может оставаться несубъектным без потери функциональности. Задачи для такого несубъектного искусственного интеллекта генерируются (но необязательно формулируются в качестве задачи) потребностями наделенного субъектностью человека.

Почему автор столь настойчиво и последовательно продвигает идею отказа от субъектности искусственного интеллекта? Имеются три основные причины. Первая причина, которая была нами уже неоднократно упомянута выше, заключается в том, что, как показывают исследования, в субъектности искусственного интеллекта нет функциональной необходимости [3]. Вторая причина – потенциальная опасность для человечества искусственного интеллекта, обладающего субъектностью, что предполагает наличие у него потребностей (а также, возможно, желаний и эмоций), которые во многом не будут совпадать с потребностями человечества. Третья, не менее важная причина, заключается в необходимости сохранения за человеком ведущей роли в цивилизации: роли инициатора (актора) всех значимых процессов познания и созидания мира [8].

Познание посредством искусственного интеллекта

Одним из наиболее распространенных подходов к определению познания является определение, привязывающее его к интеллектуальной деятельности человека: «Познание представляет собой специфический вид духовной и практически преобразующей деятельности человека, состоящий в получении, накоплении и передаче из поколения в поколение знаний как о свойствах, состояниях, тенденциях и закономерностях развития окружающего человека мира, так и об особенностях бытия самого человека в этом мире» [9].

Развитие информационных технологий, открывающее возможности создания искусственного интеллекта, делает эту привязку необязательной. В результате формируется расширенное представление познания, осуществляемого субъектом любой природы: как человеком, так и искусственным интеллектом. Расширенному представлению соответствует следующее авторское определение: познание – это процесс формирования в сознании расширенной модели реальности. При этом существенная часть расширения модели реальности является результатом созидающей деятельности. Предложенная формулировка познания коррелирует с определением сознания в рамках информационной концепции, согласно которой сознание – это информационная среда, в которой реализуется расширенная модель реальности [10]. Близкая по смыслу интерпретация сознания предлагается в рамках концепции информационной синергетики [11].

Информационная концепция сознания предполагает наличие следующей связи сознания, самосознания и субъектности. При определенных условиях (при локализации сознания в пространстве состояний носителя сознания) сознание приобретает свойство самосознания, частным случаем которого (в случае, когда инициатором изменений, детерминирующих локализацию, является носитель сознания) является самосознание, наделенное субъектностью [10].

Способность интеллекта выступать в качестве субъекта познания формируется не тогда, когда он приобретает субъектность, а на существенно более низком уровне – при формировании самосознания. Различие между самосознанием и субъектностью – вопрос, окончательного ответа на который до настоящего времени не сформулировано.

По нашему мнению, как уже было отмечено, субъектность «вырастает» из самосознания, но не тождественна ей. Субъектность – это свойство самосознания, наделенного способностью быть актором собственных изменений и изменений окружающего мира. Инициализация активности самосознания, наделенного субъектностью, – результат воли [12] или желания, в свою очередь, обусловленных потребностями.

Несколько более сложным является понятие самосознания. Согласно наиболее общему формальному определению, самосознание – это способность отделять себя от других, «Я» от «не-Я». Более детальные исследования показали [10], что центральным атрибутом самосознания является определение его границ в виде локализации носителя сознания (человека или искусственной нейронной сети, реализующей искусственный интеллект) в многомерном пространстве состояний исходных реальных объектов, а также их отражений в сознании в виде информационных объектов. Локализация обеспечивается посредством задействования обратных связей между свойствами реальных объектов и их отражений в сознании. Через них сознание «определяет» границы между носителем сознания и окружающим миром. Именно таким образом сознание осознает себя (своего

носителя).

Самосознание – необходимое свойство субъекта познания, без которого невозможно его отделение от объектов познания. При этом, в частном случае, объектом познания может выступать для себя сам субъект познания, осознающий собственные границы: «субъект – это существо, обладающее возможностью стать объектом по отношению к самому себе» [\[6, с. 102\]](#).

Когнитивная система – многоуровневая система, осуществляющая функции распознавания и запоминания информации, принятия решений, хранения, объяснения, понимания и производства новых знаний [\[13\]](#), частными случаями которой являются естественный и искусственный интеллект, необязательно должна обладать большими возможностями в решении интеллектуальных или вычислительных задач. Ее отличительная особенность заключается в том, что когнитивная система – это познающая система (от лат. *s&bnig;gnitio* – знание, познание), а значит она должна обладать самосознанием. И это не столь сложная задача. Самосознанием обладают насекомые, способные реагировать на внешние воздействия, отличая при этом себя от окружающей среды. Самосознанием (в принятой нами интерпретации) обладает несложная искусственная когнитивная система, например, система автопарковки автомобиля, способная идентифицироваться (отделять свой автомобиль от других) и определить свое положение в пространстве относительно других автомобилей и места парковки.

Таким образом, можно констатировать, что для того, чтобы выступать в качестве субъекта познания, искусенному интеллекту не требуется субъектность или большие способности к решению интеллектуальных задач, но необходимо обладать самосознанием.

Очевидно, что констатация необходимости для субъекта познания наличия самосознания – формальное следствие определения понятия познания в логике противопоставления субъекта и объекта. Обоснованность такого подхода не подлежит сомнению. Однако, является ли такой подход единственно возможным? Если исходить из иной интерпретации познания и, соответственно, субъект-объектных отношений (вплоть до признания несостоятельности такого представления), возможно наши выводы о требованиях к субъекту познания могут измениться?

Интерпретация субъект-объектных отношений, в основу которой положено противопоставление субъекта и объекта познания, носит название гносеологической. Гносеологическая интерпретация субъект-объектных отношений принимается в рамках картезианства, классической и неклассической гносеологии. К последней также можно отнести постнеклассическую эпистемологию [\[14\]](#).

В рамках картезианского дуализма (Р. Декарт) постулируется наличие двух субстанций – мыслящей и протяженной [\[15, с. 128\]](#). «... классическая гносеология исходит из представления о вечной природе гносеологического (т.е. познающего) субъекта и незыблемых законах и свойствах познания; ... неклассическая – исходит из представления о реальном живом, исторически и социально определенном субъекте, вооружённом и ограниченном своим языком, о субъекте, способном не только к познанию, но и к заблуждениям; свойства и законы познания рассматриваются как исторически изменчивые» [\[16, с. 21\]](#). Подходы классической гносеологии (Ф. Бэкон, И. Кант и др.) получили развитие в феноменологии Э. Гуссерля [\[17, с. 79\]](#), подходы неклассической гносеологии – в марксистской гносеологии [\[18\]](#), предполагающей

дополнительный учет влияния деятельности субъекта (человека) на объекты познания.

Альтернативной интерпретацией субъект-объектных отношений является онтологическая. Такую интерпретацию, в частности, выдвигал в своих работах Гегель. Проблему отношений субъекта и объекта Гегель рассматривал через призму отчуждения. Дух (субъект познания), проходя ряд ступеней опредмечивания (отчуждения) и распредмечивания (снятия отчуждения), осознает объект познания как свое творение. В результате нет никакого противопоставления субъекта и объекта: в результате снятия отчуждения объект сливаются («поглощается») с субъектом [\[19, с. 15\]](#).

Свою версию онтологической интерпретации субъект-объектных отношений предложил М. Хайдеггер. Согласно М. Хайдеггеру, субъект «в качестве основания собирает все на себе. Это метафизическое значение понятия субъекта не имеет ближайшим образом никакого подчеркнутого отношения к человеку и тем более к Я» [\[20, с. 48\]](#). Субъект выступает в качестве основания, на котором выстраивается картина мира, которую М. Хайдеггер отожествляет с миром. По мере становления картины мира происходит формирование субъекта, который «становится репрезентантом сущего в смысле предметного» [\[20, с. 50\]](#).

Онтологическая интерпретация субъект-объектных отношений отожествляет бытие и сознание. При этом необходимым и достаточным для снятия отчуждения (по Гегелю) или выстраивания картины мира на субъекте как основании (по Хайдеггеру) свойством сознания является его способность к познанию. Однако если субъект и объект не разделены (в отличие от варианта гносеологической интерпретации субъект-объектных отношений), то как происходит познание и обладает ли при этом субъект познания самосознанием? Непротиворечивым объяснением реализации самосознания в рамках онтологической интерпретации субъект-объектных отношений является представление, что сознание объединяет в себе все и что есть всего один субъект познания (человек или Дух), который познает сам себя. То есть онтологическая интерпретация субъект-объектных отношений приводит нас к идеализму: абсолютному – у Гегеля, субъективному (в форме экзистенциализма) – у Хайдеггера. Идеалистическое понимание мира соответствует философии иррационализма, в рамках которой, как мы уже отмечали, достоверного ответа на вопрос о необходимости субъектности для решения интеллектуальных задач мы получить не можем.

Если мы ставим задачу использования несубъектного искусственного интеллекта для познания и созидания мира, то вынуждено выбираем гносеологическую интерпретацию субъект-объектных отношений: во-первых, исходя из аргументированности представлений о детерминированном мире; во-вторых, ввиду невозможности получить ответы на интересующие нас вопросы в рамках онтологической интерпретации.

Выводы

Резюмируем проведенное в статье исследование:

1. Развитие информационных технологий к настоящему времени сформировало необходимые условия для создания систем искусственного интеллекта, способного заменить человека в решении широкого спектра интеллектуальных задач. Значимым свойством искусственного интеллекта является наличие или отсутствие у него субъектности. В последнем случае, вероятно, не происходит снижение его функциональных возможностей, однако имеет место ограничение его способности к самостоятельной инициализации познавательной или созидательной деятельности.

2. В зависимости от степени автономности несубъектного искусственного интеллекта его позиция в системе субъект-объектных отношений может заключаться в участии в интегрированном субъекте познания, в котором ведущая роль сохраняется за человеком-оператором, либо в полностью автономной реализации познавательной или созидательной деятельности для удовлетворения (формализованных или неформализованных) потребностей человека.
3. Для осуществления познавательной и созидательной деятельности искусственному интеллекту, как и любой другой когнитивной системе, не требуется субъектность, однако необходимо самосознание, в основе которого лежит способность отделять себя (субъект познания) от объектов познания.
4. Гносеологическая интерпретация субъект-объектных отношений не является единственно возможной. Также существует онтологическая интерпретация, в которой субъект и объект познания не противопоставляются. Данная интерпретация, однако, неизбежно приводит к идеализму и иррационализму, что делает невозможным на основе данной интерпретации определять необходимость субъектности и потенциальные возможности искусственного интеллекта.

Библиография

1. Пруцков А.В. Современные проблемы систем искусственного интеллекта // Cloud of Science. 2020. Т. 7. №4. С. 897-904
2. Гиренок Ф.И. Самость. Энциклопедия фонда знаний "Ломоносов". 03.12.2010. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127733>
3. Грибков А.А., Зеленский А.А. Общая теория систем и креативный искусственный интеллект // Философия и культура. 2023. №11. С. 32-44
4. Грибков А.А. Предел делимости материи: доказательства существования и свойства // Общество: философия, история, культура. 2023. №3. С. 32-38
5. Грибков А.А. Простейшие материальные структуры – следствия первичных свойств бытия // Общество: философия, история, культура. 2023. №6. С. 23-29
6. Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. 576 с.
7. Кудрявцева И.А. Классификация парадигм программирования в контексте теоретического программирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. №173. С. 78-88
8. Грибков А.А. Человек в цивилизации когнитивных технологий // Философия и культура. 2024. №1. С. 22-33
9. Толпыкин В.Е. Познание как специфический вид духовной и практическим преобразующей деятельности человека // Общество: философия, история, культура. 2011. №3-4. С. 20-24
10. Грибков А.А., Зеленский А.А. Определение сознания, самосознания и субъектности в рамках информационной концепции // Философия и культура. 2023. №12. С. 1-14
11. Цветков В.Я. Информационная синергетика // Образовательные ресурсы и технологии. 2021. №2 (35). С. 72-78
12. Косяков С.Н. Субъект познающий и субъект волящий // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. №4. С. 32-36
13. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
14. Лебедев С.А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки, 2013, №4, с. 69-83
15. Декарт Р. Сочинения в 2 т., т. 2. М.: Мысль, 1989. 654 с.

16. Книгин А.Н. Теория познания: Учебное пособие. Томск: Томский государственный университет, 2009. 248 с.
17. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.
18. Найдыш В.М., Найдыш О.В. Теоретико-методологические основания марксистской гносеологии: истоки, проблемы, перспективы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2018. Том 22. №4. С. 421-433
19. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М.: «Мысль», 1977. 471 с.
20. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений» предмет исследования – это положение несубъектного искусственного интеллекта в субъект-объектных отношениях процесса познания. В работе рассматриваются такие важные для философского познания вопросы как возможность и необходимость несубъектного искусственного интеллекта быть самодостаточным субъектом познания, объединение человека с искусственным интеллектом в составе интегральных субъектов познания, возможность альтернативной интерпретации субъект-объектных отношений.

Теоретико-методологические основы исследования образует гносеологическая версия теории познания, опирающаяся на его субъект-объектное понимание, а также информационная концепция сознания, которая предполагает наличие связи сознания с самосознанием и субъектностью. При этом автор сознательно отказывается от онтологической интерпретации, в которой субъект и объект познания не противопоставляются, поскольку считает, что такая интерпретация неизбежно приводит к идеализму и иррационализму. Это делает невозможным определение необходимости субъектности и потенциальных возможностей искусственного интеллекта на основе данной интерпретации. В качестве методов исследования используется рефлексивный анализ и метод конкретизации, позволяет определить ключевые характеристики изучаемого явления.

Актуальность проблематики статьи определяется тем, что современные системы искусственного интеллекта уже достигли высокого уровня автоматизации и способны выполнять сложные задачи, требующие интеллектуальных усилий. Однако, несмотря на эти успехи, существует ряд ограничений, связанных с их способностью понимать и интерпретировать информацию.

Научная новизна публикации связана с аргументацией следующих выводов: 1) отсутствие субъектности у систем искусственного интеллекта не уменьшает их функциональные возможности, но ограничивает способность к самостоятельной инициации познавательной или созидательной деятельности; 2) в зависимости от степени автономности несубъектного искусственного интеллекта, его роль в системе субъект-объектных отношений может варьироваться от участия в интегрированном субъекте познания, где ведущая роль остается за человеком-оператором, до полной автономной реализации познавательной или созидательной деятельности для удовлетворения (формализованных или неформализованных) потребностей человека; 3) для осуществления познавательной и созидательной деятельности профессиональному интеллекту, как и любой другой когнитивной системе, не требуется субъектность, но

необходимо самосознание, которое основывается на способности отделять себя (субъект познания) от объектов познания.

Данное исследование отличается общей согласованностью подачи материала, определяемой последовательным ответом на вопросы, поставленные во введении. Данная публикация характеризуется логичностью и грамотностью изложения материала. Библиография работы включает 20 публикаций и состоит произведений, затрагивающих процесс познания и/или раскрывающие возможности систем искусственного интеллекта. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Вывод: Статья «Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована. Статья представляет интерес для специалистов в области философии познания, философии техники, а также для всех интересующихся проблемами искусственного интеллекта.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Моркина Ю.С. Проблема общечеловеческого в эпистемологии // Философская мысль. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.5.70092 EDN: DINAXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70092

Проблема общечеловеческого в эпистемологии

Моркина Юлия Сергеевна

ORCID: 0000-0001-9520-154X

кандидат философских наук

старший научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1., каб. 420

morkina21@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.70092

EDN:

DINAXQ

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2024

Аннотация: Предмет исследования – понятие общечеловеческого в эпистемологическом аспекте. Показано, что любое знание фундируется абсолютным фоном – «неявным незнанием» – определяемым как априорная форма познания, общая для всех людей всех культур и народов. В силу своей непосредственности и общности для всех людей во всех ситуациях, абсолютный фон не выявляем и не переводим в явное знание. В то же время, фоновое знание отдельной культуры с исторической сменой культур начинает рефлексироваться, переводиться в явное знание, в том числе философское. Неявное знание имеют как отдельные люди, так и целые культуры. Неявное знание входит в структуру повседневности, жизненного мира. Однако наряду с неявным знанием в структуре повседневности присутствует еще когнитивный фон – то, что настолько близко и привычно, что не выявляемо. Методологическая основа исследования представляет собой сочетание историко-генетического метода и метода теоретической реконструкции, с одной стороны, и критико-аналитического метода, с другой. Использованы также феноменологические методы и культурологический анализ. Показано, что когнитивный фон не может называться знанием в силу своей принципиальной нерефлексируемости и

непроблематизируемости. Это нечто, настолько не подлежащее сомнению, что «мы не знаем, что мы это знаем». В разные времена для различных культур когнитивный фон различен. В статье высказывается предположение, что существует и «абсолютный фон» – то, что является настолько общим для всех людей всех культур и народов, что недоступно выявлению, проблематизации, сравнению с иным положением дел, то, что никогда не станет знанием, вернее, «мы никогда не будем знать, что мы это знаем». Рассмотрены понятия повседневности, жизненного мира (Э. Гуссерль), мезокосма (Г. Фольмер). Подчеркнуто значение лингвистического поворота в философии для осознания философских проблем, связанных с повседневностью и фоновым знанием культур. Понятие «абсолютного фона» имеет методологическое значение для эпистемологии. Показано, как это понятие позволяет отвечать на вопросы о том, является ли нечто общечеловеческим.

Ключевые слова:

общечеловеческое, фоновое знание, неявное знание, повседневность, жизненный мир, мезокосм, культура, антропный принцип, человекоразмерность, априорные формы познания

Соображения, высказанные здесь в связи с понятиями повседневности, жизненного мира, мезокосма и выводимого из этих понятий понятия абсолютного фона могут оказаться актуальными для современной эпистемологии. Логика взаимопереводов явного и неявного знания имеет место в современной культуре, в которой огромную роль играет постоянно развивающееся научное знание, подверженное сложным диалектическим процессам развития. Также сложной диалектикой обладает и повседневное знание, здравый смысл. Обмен смыслами между знанием научным и повседневным никогда не прекращается. В статье выдвигается предположение, что то общечеловеческое, что, несмотря ни на что, остается постоянным для всех культур и эпох в их трансформациях культурных универсалий, не трансформируется благодаря своей нерефлексируемости и по этой причине остается принципиально не выявляемым.

Исследователи задаются вопросом: существует ли общечеловеческое? Так, являются ли общечеловеческими универсалии культуры? Или определенные глубинные структуры языка. Здесь мы пытаемся дать новый подход к вопросам об общечеловеческом.

1. Неявное знание

В этой работе рассматривается вопрос о неявном знании (понятие М. Полани), а также о выводимом из понятия «неявного знания» понятии «неявного незнания», которому я здесь присваиваю название абсолютного фона. Для того, чтобы прояснить это понятие и продемонстрировать его важность для эпистемологии, необходимо разобрать, что представляет собой знание, и что – незнание. В соответствие с концепцией М. Полани, знание может быть явным – такое знание всегда артикулировано или, по крайней мере, артикулируемо – принципиально выражимо в словах. Явное знание всегда поддается словесной формулировке, поэтому оно интерсубъективно. Неявное знание поддается артикуляции не во всех случаях, оно бывает смутным, плохо схватываемым, и поэтому не поддающимся выражению. Приведение его к словесной формулировке предполагает выявление и переведение его в разряд явного знания.

Подробно вопросом неявного знания занимается С.А. Филипенок. Она пишет: «Уникальная структура сознания и неисчерпаемый личностный опыт человека не

выразимы в полной мере и недоступны для сознания не только других, но даже самого субъекта, обладающего ими. Попытка осознать и артикулировать неявные предпосылки когнитивной деятельности, направить на них свое внимание лишает их прежнего функционального значения в структуре сознания, меняет их статус, и соответственно, ведет к перестройке всего смыслового контекста, создает новую когнитивную ситуацию. Вследствие этого неявное знание субъекта в своем исконном виде никак не может оказаться в фокусе внимания, не потеряв того содержания и того значения, которые оно имеет именно в качестве имплицитных предпосылок знания. В то время как знание неявное, имплицитное, невербализованное входит в сферу периферического сознания, эксплицитным может быть только объект фокусного сознания, являющийся носителем целостного смысла определенной когнитивной ситуации» [\[1\]](#).

М. Полани описывает структуру индивидуального сознания, в соответствии с которой «любой когнитивный акт предполагает взаимодействие двух способов осознания объектов: фокусного [focal awareness], направленного на объект познания и дающего знание явное, эксплицитное, артикулированное и периферического [subsidiary awareness], в сферу которого входит неявное, имплицитное, неартикулированное знание побочных данных [clues], которые не являются в собственном смысле слова объектами познания, но выступают необходимыми предпосылками осуществляющей субъектом когнитивной деятельности» [\[2, с. 404-405\]](#).

Исходя из предложенной М. Полани универсальной модели неявного познания (так называемой «структуре from-to»), неявное познание (или неявный вывод) можно представить как «движение от расположенных на периферии сознания побочных данных к фокусному целостному пониманию <...> ...это целостное понимание есть гештальт, который невозможно анализировать только как простую сумму его частей и правил» [\[3, р. 29\]](#). На основе данной схемы неявного познания М. Полани показал роль неартикулированного, неявного знания в познавательной деятельности, что расширяет наши представления о структуре и природе знания.

О фоновом знании писал Ю. Хабермас, отмечая, что коммуникация в культуре опирается на фоновые знания – жизненный мир участников, реалии культуры, в которую погружены участники коммуникации. В современном языкоznании понятие фонового знания широко используется. Так, согласно одному из определений, фоновое знание (англ. background knowledge) – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [\[4, с. 498\]](#).

Но наряду с понятиями явного и неявного знания, я ввожу понятие «неявного незнания», абсолютного фона. Что из нашего знания является неявным и почему? Если проанализировать этот вопрос, мы приходим к выводу, что неявным знанием для нас является самое непосредственное и несомненное, то есть то, что для нас *taken for granted*, в чем не может возникнуть и не возникает сомнения. Неявным является для нас то положение вещей, которое мы не можем сравнить в уме с принципиально иным положением, альтернатива которого не представима для нас, по крайней мере, в ближайшей интуиции. Явное знание рождается из сомнения, влекущего возможность сопоставления. Так, мы знаем, что предметы падают вниз только потому, что способны представить, что это могло быть не так.

Понятие красного цвета невозможно без понятий других цветов. Если бы абсолютно все было бы для нас красным, мы никак не могли бы знать, что все красное. Эта истина была бы для нас абсолютным фоном, ни с чем не сопоставимым, и поэтому принципиально не

выявляемым. Таким образом мы и выходим на понятие «неявного незнания». Мы не знаем, что что-то является для нас абсолютным фоном – мы только можем предполагать, что такое абсолютно не выявляемое по причине абсолютной бесспорности существует. Нечто неявно для нас потому, что в этом совершенно невозможно усомниться, – настолько, что мы не можем этого знать, не можем выделить для себя в качестве знания.

Это нечто является слишком общечеловеческим, общим для мышления и восприятия всех людей, настолько, что никто из людей не может выделить это в качестве знания, обнаружив возможность иного положения вещей, а значит, сделав именно это положение вещей явным. Чтобы лучше прояснить понятие абсолютного фона, рассмотрим, что может служить фоном не абсолютным, приниматься нерефлексивно, быть *taken for granted*, но при этом принципиально рефлексируемым. Сфера человеческого бытия, в которой наиболее проявляется фоновое знание – повседневность, жизненный мир, поэтому далее мы рассмотрим примеры того, что являлось фоновым знанием в повседневности.

2. Повседневность, жизненный мир

Каждая культура имеет повседневное нерефлексируемое знание в качестве не замечаемого фона, который, однако, распознается другой культурой, если она наблюдает первую. Жизненный мир и повседневность стали открытиями XX в., в том числе, в отечественной философии, в частности, – эпистемологии. Повседневность – это «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Повседневность может рассматриваться как онтология, как граничное человеческой деятельности. Исследования повседневности подразумевают подход к миру человека и самой его жизни как к ценности... Следует различать саму повседневность и теоретический дискурс о повседневности. В настоящее время повседневность как специфическая область социальной реальности выступает в качестве объекта междисциплинарных исследований (история, социальная и культурная антропология, социология, культурология)» [\[5\]](#).

Понятие повседневности связано с понятиями жизненного мира (Э. Гуссерль, А. Шюц), здравого смысла. Это мир непосредственного восприятия вещей и событий, привычный, упорядоченный, ожидаемый для человека определенной социальной реальности. Это мир, в котором индивид живет и мыслит каждый день, в котором образуются смыслы и правила, стандартные образцы социального поведения и взгляда на вещи, социальная память и традиции. Повседневность является непосредственной социальной данностью, в которой живет и мыслит обыденный индивид.

Повседневность составляет «ближайшее и непосредственное» и поэтому редко рефлектируемое, – то, что часто становится фоновым знанием, остается на периферии осознавания, но на что явное знание при этом опирается, из чего оно исходит. Здесь снова становится эвристичным понятие смыслового гештальта – целостности объединения явного и неявного знания в нашем схватывании вещей и ситуаций.

Понятие «жизненного мира» было введено Э. Гуссерлем для обозначения той суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. «Жизненный мир (*Lebenswelt*) – одно из центральных понятий поздней феноменологии Гуссерля, сформулированное им в результате преодоления горизонта строгого феноменологического метода за счет обращения к проблемам мировых связей сознания» [\[6\]](#). Это понятие подчеркивает связь научного и донаучного познания,

укорененность самих ученых, рассуждающих о Большом Взрыве, расширяющейся вселенной, эйнштейновской теории относительности, в аристотелевском мире повседневных занятий, здравого смысла, автоматических рутинных действий. В этом смысле любой ученый как человек оказывается в повседневном мире носителем донаучного сознания. Повседневность также – это то, что делает мир человека связным, «цементирует» различные области знания. Это то, что является общим для слесаря, психолога, физика-ядерщика, художника, архитектора. Является общим, несмотря на связанную с их занятиями разность мировоззрений и мировосприятия.

По Гуссерлю, жизненный мир состоит из суммы «непосредственных очевидностей». «Это – дофилософское, донаучное, первичное в гносеологическом смысле сознание, которое имеет место еще до сознательного принятия индивидом теоретической установки». Жизненный мир – сфера «известного всем, непосредственно очевидного», «круг уверенностей», к которым относятся с давно сложившимся доверием и которые приняты в человеческой жизни вне всех требований научного обоснования в качестве безусловно значимых и практически апробированных [\[6\]](#).

Для меня важно то замечание, что жизненный мир «обладает априорными структурными характеристиками – инвариантами – на основе которых и возможно формирование научных абстракций и т.д., а также основана возможность выработки научной методологии» [\[6\]](#). Именно в этом свойстве жизненного мира Гуссерль видит искомую основу для обоснования познания. Инвариантами являются: «пространство-временность», «каузальность», «вещность», «интерсубъективность» и т.д. Свойство инвариантов в том, что они не сконструированы, а даны, по Гуссерлю, в любом опыте; в них фундирован любой конкретно-исторический опыт человеческой жизни в мире. Понятие жизненного мира систематически используется в феноменологической социологии А. Шюца, в которой внимание сосредоточено на исследовании жизненного мира как естественной установки сознания, элиминируемой Гуссерлем в процессе трансцендентально-феноменологической редукции [\[7\]](#).

3. Мезокосм

Еще одним понятием, эвристичным для анализа повседневного неявного знания, является понятие мезокосма, введенное эволюционным эпистемологом Г. Фолльмером в 1975 году. Мезокосм Фолльмера предстает как аристотелевский мир, к которому человек приспособлен, среда обитания человека. Фолльмер рассматривает понятие мезокосма, в том числе, в когнитивном аспекте. Мезокосм, по Г. Фолльмеру, – это «когнитивная ниша человека». Это мир средних размерностей, средних величин и скоростей, который наш мозг воспринимает посредством органов чувств и к которому человек эволюционно приспособлен [\[8, с. 198-199\]](#).

По Фолльмеру, именно к мезокосму приспособлено повседневное восприятие человека, адаптировано в процессе биологической эволюции; таким образом, донаучный опыт и здравый смысл являются компонентами эволюционного приспособления человека. Фолльмер предполагает, что субъективные структуры донаучного познания (в том числе восприятие) приспособлены к тому миру, в котором они развивались, то есть мезокосму [\[8, с. 211\]](#). Фолльмер говорит, однако, что именно поэтому структуры познания человека не могут соответствовать всем реальным структурам и не пригодны для познания того, что выходит за рамки мезокосма. Г. Фолльмер отрицает пригодность познавательных структур, в ходе биологической эволюции приспособленных к мезокосму, для познания всех процессов, в том числе процессов микро- и макро- миров.

«Мезокосм – это мир средних размерностей: мир средних расстояний, времен, весов, температур, мир малых скоростей, ускорений, сил, а также мир умеренной сложности. Наши познавательные структуры созданы этим космом, подогнаны к нему, для него и посредством него отобраны, на нем испытаны и оправдывали свою надежность» [9, с. 231]. Фолльмер пишет, что человек в своем обыденном опыте до сих пор живет в мире аристотелевской физики [10, с. 200] The subject of the study is the concept of the universal in the epistemological aspect. The subject of the study is the concept of the universal in the epistemological aspect.. Солнце для нас все еще и сейчас вращается вокруг Земли, а камни падают вниз, потому что так положено, там их естественное место. Но наши научные понятия и теории всё больше отдаляются от повседневного языка и повседневного знания. Научная картина мира уже далеко и давно не аристотелевская. Она, в свою очередь, влияет на наше повседневное восприятие «жизненного мира».

Неявное и нерефлектируемое повседневное фоновое знание было в свое время неявным, фоновым и для философии. Так было до того, как в философии произошел лингвистический поворот, сделавший явным определенные культурные реалии, связанные, в том числе, с повседневным знанием разных культур и его отражением в их языках.

4. Лингвистический поворот в философии

Лингвистический поворот в философии произошел в начале XX века. У его истоков стоят Г. Фреге, Б. Рассел, Д.Э. Мур, Л. Витгенштейн. Их подход к философии определяется убеждением, что всякое знание о мире существует лишь тогда, когда оно выражено посредством языка. Лингвистический поворот начался с аналитического подхода, анализа языка науки и стремления прояснить философские проблемы посредством обращения к естественному языку, его анализу и в какой-то степени, критике.

В.А. Васильев отмечает, что, уже вступив в XX в., философская мысль столкнулась со множеством противоречий, отражавших «новую социокультуру», обусловленную особенностями неклассической и постнеклассической науки [11]. Исследователь отмечает три этапа лингвистического поворота. Первый этап связан с воззрениями Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Второй этап – с представителями «Венского кружка». Третий этап поворота в лингвистической философии исследователь связывает с анализом обыденного языка. Это направление возникло в 30-е гг. XX в. в Великобритании (Г. Райл, П. Стросон, Дж. Остин и др.), в США (М. Блэк, Н. Малкольм и др.).

Обращаясь к исследованиям языков различных народов, философы языка стали открывать для себя миры понятий других языков, явление языковой относительности, разнообразие грамматических структур. Необходимо было принять открытие того факта, что в формах совершенно разных языковых понятий человеку предстает один и тот же мир. Прагматическая трактовка лингвистического поворота была попыткой примирить открывшиеся противоречия.

Так, Э. Сепир сформулировал принцип «лингвистической относительности» (гипотеза Сепира-Уорфа): согласно этому принципу, язык не выражает структуру мира, а, скорее, формирует образ мира человека, пользующегося языком. Из этого следует, что носители разных языков имеют совершенно различное представление о реальности. Принцип лингвистической относительности был развит в рамках прагматического анализа языка. Так, согласно У. Куайну, картина мира, фиксируемая в структуре используемого в том или ином сообществе языка, принимается исключительно из прагматических соображений. Основная функция языка состоит в обеспечении коммуникации в

сообществе [\[12\]](#).

Критерий существования, разработанный Куайном в 1930-е годы, гласит: «существовать – значит быть значением связанной переменной». «Имена, по Куайну, это термины, указывающие непосредственно на объекты. Дескрипции – это термины, которые не указывают ни на какие объекты, но могут делать суждения относительно этих объектов истинными или ложными. Существуют только те предметы, которые являются поименованными, поэтому существовать – значит быть поименованным. Имя, согласно Куайну, указывает на предмет, так же как и квалифицированная (связанная) переменная указывает на свое значение» [\[13\]](#).

5. Пространство и время

В качестве того, что было в свое время как явным, так и неявным знанием, можно рассмотреть такие универсалии культуры, как пространство и время. По Канту, пространство и время являются априорными формами чистого чувственного созерцания. Созерцание пространства и времени связано с понятиями синтетически. Это априорный, но при этом опыт [\[14, с. 68\]](#). Когда Кант выделил пространство и время как чистые априорные формы чувственности, он мыслил и пространство, и время в парадигме современной ему западной науки – физики. Пространство для него было трехмерно, однородно и изотропно. Время для человека XVIII века – одномерно, однородно, необратимо. У западного человека не было сомнений, что время и пространство таковы. Так человек Запада XVIII века их и воспринимал.

В качестве основных свойств пространства в классической физике (и в современной ей философии) назывались: протяжённость; однородность (все точки пространства равноправны, само по себе пространство не меняет состояние объектов); изотропность (равнозначность всех возможных направлений); трехмерность (возможность определить положение любого объекта с помощью трёх независимых измерений как эмпирически установленное и теоретически доказуемое свойство пространства); обратимость пространства (то есть возможность сколько угодно раз возвращаться в ту же точку в этом пространстве). В качестве основных свойств времени: длительность; однородность (равноправие всех моментов времени); одномерность (свойство связано с возможностью зафиксировать событие во времени с помощью одной величины); необратимость или анизотропность (невозможность возврата в прошлое). Предполагалось, что время течёт в одном направлении – от прошлого к настоящему и от него к будущему). При этом пространство и время онтологизировались, рассматриваясь как формы бытия – категории, в которых может быть осмыслено любое бытие, любые события этого бытия – как объективная, так и субъективная реальность.

Кант писал: «Нет никакой необходимости ограничивать способ созерцания в пространстве и времени чувственностью человека. Возможно, что всякое конечное мыслящее существо необходимо должно походить в этом отношении на человека» [\[14, с. 68\]](#).

То, что это не единственное возможное восприятие пространства и времени, стало ясно, когда в философии произошел лингвистический поворот, связанный с изучением языков «примитивных» народов. С лингвистическим поворотом перед философами предстало пространство ойкумены (мезокосма), каким оно и было до выработки научных физических понятий – пространство неоднородное и не изотропное: направление вверх не равно направлению вниз, выделенные сакральные и профанные места,

предпочитаемые и избегаемые направления пути («путь» в отличие от «движения» как целенаправленное перемещение). А также циклическое время со сменой времен года и суток, в котором дни не равны ночам, зимы – летам, которое то «тянется», то «летит» в зависимости от того, чем занят человек. Время самым тесным образом связанное с бергсоновским *durée*, длением сознания. Пространство и время мезокосма остались такими, таким и остается «жизненный мир» ученых, но это на некоторое время перестало осознаваться. Так научные понятия (научная картина мира) влияют на повседневное восприятие, на «жизненный мир». Так что любой современный человек, выучившийся в школе, уже интуитивно воспринимает пространство и время по стандартам физики XVIII века.

Таким образом, не только неявное знание может становиться явным, но явное научное знание в культуре часто переходит в неявное знание повседневности. При этом происходит запаздывание и неявным повседневным знанием становится научное знание уже устаревшее, но зато известное уже не только специалистам, и составлявшее в течении определенного времени основную научную парадигму. Массовое и повседневное сознание «не успевает» за сменой парадигм передового научного сообщества. Можно выдвинуть предположение, что эйнштейновский мир повседневное сознание «обживет» через столетие или несколько, но к тому времени в научном сообществе произойдет, возможно, не одна смена парадигм.

Так явное научное знание переходит в неявное повседневное, переставая при этом четко рефлектироваться и подвергаться сомнению. Это и происходило с научными понятиями пространства и времени, перешедшими из научного знания XVIII в. в повседневное и ставшие в повседневности XX в. знанием фоновым, чтобы затем как таковое снова стать рефлексируемыми в философии. На примере трансформации культурных универсалий пространства и времени можно проследить сложную диалектику взаимопереходов явного и неявного знания в человеческой культуре.

6. Принцип человекоразмерности

Понятие абсолютного фона можно вывести из рассуждений о принципе человекоразмерности, из понимания того, что существует нечто общечеловеческое, имманентное именно человеческому восприятию вещей и явлений, что для человека неотъемлемо от его реальности. Это кантовская интуиция о том, что существуют априорные формы чувственности. Являются ли ими пространство и время? Мы не можем этого знать. Из понятия абсолютного фона выводится положение, что мы не можем знать, в чем абсолютный фон для нас заключается. Мы не можем выйти из своей человеческой природы, чтобы увидеть, как воспринимало бы мир «другое мыслящее существо», не-человек.

Можно задаться вопросом: осуществляется принцип человекоразмерности постольку, поскольку мир онологически человекоразмерен, или постольку, поскольку его воспринимает по своим меркам (меряет) человек? Последнее утверждение известно как слабый антропный принцип. Одно не подлежит сомнению: в силу своей человеческой природы мы не можем воспринимать мир не человекоразмерным.

Но значимым для философии является и вопрос о человекоразмерности мира, в том числе в том модусе, в котором его схватывает наука, – сложные интеллектуальные структуры, вырабатываемые человечеством и ушедшие далеко от мезокосма или жизненного мира. Движение человеческой мысли иногда настолько парадоксально, что сам вопрос о повседневности и интерес в философии к ней возник из осознания отличия

ее знания (при этом практически «неявного») от знания сложных интеллектуальных систем, научных и философских построений. Человек вдруг осознал, что не весь его мир является эйнштейновским. Но для того, чтобы это стало открытием, каковым стало, сначала нужно было предполагать, что вся реальность описывается эйнштейновской теорией.

Наша повседневность была «не повседневной» (по крайней мере, для интеллектуального сознания), пока ее отличие от научной картины мира не было осознано. Именно это «обратное движение» мысли обеспечивало интеллектуальную захваченность проблемами «жизненного мира» и «повседневности», задачей отрефлексировать бессознательное пребывание по сей день в аристотелевском мире. Но это пребывание сначала должно было стать «неявным» для того, чтобы настолько актуальной оказалась проблема «выявления». Так в каком же мире мы тогда жили?

Постнеклассическая наука рефлексирует над нормами, целями, идеалами, пытается изучать человека как такового и человеческое общество, а также социальные системы как сложные системы. Это возвращение к принципу человекоразмерности на новом уровне. Человек изучает сам себя, других людей, социум. Т.е. системы, в которые он включен сам, являясь как их наблюдателем, так и составной частью. Что он при этом видит и чего принципиально не может видеть?

Очевидно, и здесь, в собственном устройстве и устройстве социума, будет нечто, настолько общее для всех людей, что невозможно отрефлексировать по той причине, что иное не может мыслиться. Абсолютный фон должен присутствовать как в восприятии человеком не-человеческого но человекоразмерного мира, так и в восприятии мира собственно человеческого.

Итак, с одной стороны, мир познается человеком, и вне форм человеческого познания недоступен. С другой стороны, наблюдается множественность способов категоризации мира, в том числе языковых. Имеется ли у этих способов категоризаций общее, то, что является базовым и общечеловеческим для познания мира? Это общее должно представлять собой «абсолютный фон», то есть быть принципиально не схватываемым и не выделимым.

7. Выводы

Абсолютный фон определяется в данной статье как общечеловеческая непосредственная очевидность, общая для всех людей всех культур и народов и составляющая априорный фундамент человеческого познания. Абсолютный фон можно еще назвать «неявным незнанием», это то, что в силу непосредственности и общечеловеческого характера, недоступно выявлению, сравнению, рефлексии. Это то, что никогда не может быть переведено в явное знание, хотя при этом любое знание фундировано этим фоном.

В то же время нужно осознавать, что то, что является фоном сейчас и могло бы претендовать на то, чтобы быть абсолютным фондом, со временем и со сменой культуры может «выходить на свет», опознаваться как фоновое знание прежней культуры и поддаваться описанию и изучению. Изучению будут поддаваться и способы, какими этот фон фундирует явное знание данной культуры. Таким образом, абсолютный фон абсолютен, но то, что могло бы за него быть принятим (фоновое знание культуры) – исторично и культуроотносительно. Понятие абсолютного фона полезно для эпистемологии именно тем, что оно позволяет определить, что для нас таким фондом не является. Это позволяет выявлять сложную диалектику взаимопереводов явного и неявного знания. В то же время методологически полезной является мысль о наличии

постоянного общечеловеческого фона знания.

Понятие абсолютного фона позволяет дать ответ на вопрос: является ли нечто общечеловеческим? Так, являются ли общечеловеческими универсалии культуры или определенные глубинные структуры языка? Ответ звучит так: нет, не являются, если мы можем их выделить и описать. Уже признак возможности выделения и описания указывает на не-фундаментальность выделяемого и описываемого. Поэтому правы те, кто настаивает на различии культур на самом глубинном уровне. Потому что все, что мы можем видеть – это различия. Истинно общечеловеческое, если оно есть, всегда будет для нас эпистемологически невидимо.

Библиография

1. Филипенок С.А. Личностное знание и творчество // Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелЛ, 2015. С. 300–306.
2. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Часть 4: Познание и бытие. 11. Логика достижений (1–4) (пер. с англ. С.А. Филипенок) // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 4, 2018. Лики творчества в контексте социокультурных практик / Ред.: Н.М. Смирнова, И.А. Бескова. М.: ИИнтелЛ, 2018. С. 402–416.
3. Lowney Ch. Ineffable, Tacit, Explicable and Explicit: Qualifying Knowledge in the Age of "Intelligent" Machines // Tradition & Discovery. 2011–2012. Vol. 38. No 1. P. 18–37.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
5. Козлова Н.Н. Повседневность // Новая философская энциклопедия. Цит. по: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a8d87bb13ae8cfee67>(дата обращения 17.07.2023 г.)
6. Румянцева Т.Г. Жизненный мир // Цит. по: https://clbc.ru/articles/zhiznennyj_mir (дата обращения 17.07.2023 г.)
7. Смирнова Н.М. Жизненный мир // Новая философская энциклопедия. Цит. по: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ee020d20026178128fb7>(дата обращения 17.07.2023 г.)
8. Фолльмер Г. Эволюция и проекция. Начала современной теории познания: пер. Е.Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 205–224.
9. Фолльмер Г. По разные стороны мезокосма: пер. Е.Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 225–236.
10. Фолльмер Г. Эволюционная теория познания. К природе человеческого познания: пер. Е.Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 189–204.
11. Васильев В.А. Лингвистический поворот в философии // Философские науки. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 172–181.
12. Гутнер Г.Б. Лингвистический поворот // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+. С. 421.
13. Куслий П.С. Философия с точки зрения У.В.О. Куайна (Рецензия на книгу У. Куайна «С точки зрения логики») // История философии. 2005. №12. С. 236–242.
14. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: «Реноме», 2003. 464 с.
15. Гуссерль Э. Логические исследования. Картизианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.

752 с.

16. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
17. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
18. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии Часть 4. Познание и бытие 11. Логика достижений (5–7) (пер. с англ., предисловие, заключение С.А. Филипенок) // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 6, 2020: Философско-методологический анализ творческих процессов / Ред.: Н.М. Смирнова, И.А. Бескова. М.: Голос, 2020. С. 282–311.
19. Смирнова Н.М. Смысл и творчество. М.: Канон+, 2017. 304 с.
20. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / Составление, филос. перевод, общее и научное редактирование, послесловие Н.М. Смирновой. М.: Россспэн, 2004. 1056 с.
21. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкоznания. 1977. № 3. С. 47–54.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В самом начале рецензируемой статьи автор высказывает предположение, что в знании имеется некая «общечеловеческая» составляющая, которая представлена во всех культурах и во всех эпохах. Причиной этой «универсальной устойчивости» «общечеловеческого», говорит автор, является его «нерефлектируемость». Что это означает? – «Общечеловеческое» не может стать предметом рационального анализа. Ничего другого в «общечеловеческом философском языке» это понятие не означает. Нетрудно понять, что речь идёт о «вещи в себе», которая остаётся вне активности рассудка, составляя в то же время «субстанцию» всякой культуры, «проявляющуюся» (?) как в обыденном, так и в научном знании (почему же тогда автор заключает о недоступности этой «универсальной предпосылки» для рационального познания?). Наставая всё же на «нерефлектируемости» «общечеловеческого», автор говорит и о том, что оно «остаётся принципиально не выявляемым». Как же в таком случае автору всё же удалось его «выявить»? Потребность столь «придирчиво» разобрать первый абзац связана с тем, что неопределенность и «путанность», с которой сталкивается здесь читатель, воспроизводится и в последующем изложении вплоть до заключения. Так, если первоначально указывалось на «общечеловеческое» как некое знание, пусть и ускользающее от рационального познания, но всё же, видимо, каким-то образом фиксируемое, то постепенно оно сводится уже к «неявному незнанию», «абсолютному фону», «общечеловеческой непосредственной очевидности», «общей для всех людей всех культур и народов и составляющая априорный фундамент человеческого познания». Может быть, можно говорить просто о том, что в прежние века называли «человеческой природой», о её «гносеологическом измерении»? Но, по-видимому, подобное решение для автора неприемлемо, поскольку он и в конце статьи повторяет, что это «незнание», «фон», универсальная предпосылка познания, и т.п., «недоступна выявлению, сравнению, рефлексии»; «это то, что никогда не может быть переведено в явное знание, хотя при этом любое знание фундировано этим фондом». Согласимся, однако, что все подобные рассуждения – «весёлая глубокая классика». Вспомним Якоби, заметившего, что без «вещи в себе» в критическую философию нельзя войти, а с ней – в ней оставаться, и вспомним, с какими непреодолимыми противоречиями столкнулся создатель критической философии, когда «вещь в себе», с одной стороны, должна была «аффицировать» (в терминологии автора – «фундировать») чувственность, а с другой

стороны, на неё («вещь в себе») нельзя было распространять причинно-следственные отношения. Однако и это ещё не всё, неопределенность утверждений автора ещё более возрастает, когда выясняется, что «то, что является фоном сейчас и могло бы претендовать на то, чтобы быть абсолютным фоном, со временем и со сменой культуры может «выходить на свет», опознаваться как фоновое знание прежней культуры и поддаваться описанию и изучению. Изучению будут поддаваться и способы, какими этот фон фундирует явное знание данной культуры». То есть познание носит всё же исторический характер, зачем же в таком случае говорить о «нерефлектируемости», «невыявляемости» этой, якобы, исходной и непреодолимой непосредственности человеческого познания? Рецензент должен признаться, что ему не удалось ни в самой статье, ни в источниках, на которые ссылается автор, найти ответы на эти вопросы. Следует признать, что статья способна вызвать искренний интерес читателей, но в то же время хотелось бы настоятельно порекомендовать автору до публикации статьи навести в тексте минимальный «концептуальный порядок», неопределенность, расплывчатость, обнаруживающиеся в изложении противоречия мешают понять замысел и итоговый смысл представленной статьи. Текст также нуждается в стилистической правке («предположение, что то общечеловеческое, что, несмотря ни на что...», «для всех культур и эпох в их трансформациях культурных универсалий, не трансформируется...», и т.п.). Несмотря на высказанные замечания считаю возможным рекомендовать статью к публикации в научном журнале.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Любохонская О.В. Философское измерение античной меры и скандинавского лагома // Философская мысль. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.5.69483 EDN: DHFXQD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69483

Философское измерение античной меры и скандинавского лагома**Любохонская Оксана Валерьевна**

кандидат философских наук

Преподаватель. Кафедра Философско-исторических дисциплин, экономики и права. СПб ГБПОУ
Академия управления городской средой, градостроительства и печати.

195273, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Руставели, 33

✉ gl.oksana2018@yandex.ru

[Статья из рубрики "Традиции и инновации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.5.69483

EDN:

DHFXQD

Дата направления статьи в редакцию:

30-12-2023

Аннотация: В статье исследуется вопрос о взаимоотношении двух понятий: античной меры и скандинавского лагома. Автор, с одной стороны, обращается к наследию древнегреческой философии (Сократу, Платону, Аристотелю) и пытается реконструировать основные смысловые характеристики античной меры, а с другой стороны, к историческому контексту возникновения понятия лагома и его значения. Раскрытие смыслового контекста данных понятий происходит через аспекты: онтocosмологический, экзистенциально-антропологический и эстетический. Автор в философско-культурологическом ключе уделяет особое внимание выявлению сходства и различия смыслового наполнения данных терминов. Так же автор стремится понять какое место концепция лагома, применяемая для повседневного образа жизни может согласовываться с философской концепцией «заботы о себе» и быть гармонично в нее встроенной. В статье применяется метод компаративистики. Это позволяет уточнить взаимоотношение понятий меры и лагома, их границы и специфику. Автор приходит к выводу в отношении скандинавского лагома, что это понятие хотя и несет изначальную

понятийную нагрузку меры как предела бытия, но философская развертка его смыслового содержания практически отсутствует, то есть это понятие остается в контексте мифа. Экзистенциально-антропологический критерий показывает, что понятие лагома можно и нужно использовать в философии, особенно когда речь идет о философии повседневности, минимализма и эвдемонизма. Эстетическое измерение показывает как соотносятся понятия античной меры и скандинавского лагома, какова их основная специфика. Очевидно, что лагом – это самостоятельно развивающийся термин, обозначающий особый стиль повседневного образа жизни, заботы о себе и о мире, получивший широкое распространение в начале XXI века.

Ключевые слова:

мера, лагом, бытие, онтология, космология, антропология, эстетика, античность, скандинавский, миф

Наступившая эпоха требует пересмотра фундаментальных философских категорий и привносит в философию и культуру новую терминологию, которая претендует на универсальность своего собственного смыслового значения. Одним из таких понятий становится лагом (*lagom*). Этот термин пришел из шведского языка и получил в последнее время широкое распространение не только в культурологическом, семантико-лингвистическом, но и философском контекстах. Смысловое значение лагома охватывает определенную систему ценностей, формирующих особый «образ жизни», который сегодня популярен не только в Европе, но и в России.

Многие авторы – популяризаторы данной концепции указывают на древнескандинавское происхождение слова *lagom*, производя его от *laget om*, что обозначает групповое действие, когда викинги, образовав круг, передавали друг другу рог с медовухой. Они отпивали из него по глотку, таким образом, чтобы хватило всем [6, с. 20]. Позднее, понятие лагом встраивается в законодательство скандинавских народов («*lag*» - «закон») [24, с. 24]. Еще одним важным значением этого термина является понимание лагома, как умеренности или меры во всем, в соответствии с дословным переводом: «не слишком много, не слишком мало», «в самый раз», «достаточно» [3, с.8], [6, с. 21]. Таким образом, эти три фундаментальных значения слова «лагом»: общее действие, закон и мера, представляют нам данное понятие как способное породить цельную жизненную концепцию, формирующую новое мировоззрение или целую философию [9, с. 25].

Смысловой контекст термина «лагом», более всего близок древнегреческой категории меры (*metron*). Для того чтобы прояснить, можно ли в полной мере считать концепцию лагома философией, нужно провести сравнение этих двух понятий и выявить их структурное и смысловое наполнение. В данной статье сравнение понятий лагома и античной меры будет проводиться по следующим критериям - онто-космологическому, экзистенциальному-антропологическому и эстетическому, с опорой на методы культур-философской компаративистики.

Онто-космологический критерий меры и лагома.

Экзистенциальное бегство древних греков от хаоса бессознательного привело к стремительному росту рационального философского дерева из мифической подпочвы, поэтому онто-космологический критерий меры можно характеризовать как диалектический и мифо-философский. Диалектический критерий выступает сначала как

стихийно-диалектический, использующий образы тьмы и света, что характерно для орфиков и философии Гераклита. Затем, он трансформируется в рационально-диалектический критерий, для которого характерна борьба хаоса (стихийного, неупорядоченного и бессознательного начала) с космосом (упорядоченным и пронизанным Логосом началом) или столкновение небытия с бытием соответственно. Мера может выступать здесь как синтетическая категория, обеспечивающая диалектические переходы между вышеперечисленными противоположностями. Например, апейрон Анаксимандра можно трактовать не только как начало всего существующего, но и как то, что является мерой его бытия и небытия, потому что возникшим из беспредельного апейрона вещам суждена гибель в соответствии с определенным порядком возмещения взаимной задолженности с течением времени. Имплицитно меру можно обнаружить у Эмпедокла в его учении о «корнях вещей» и о движущих космос силах – Любви и Вражде, где первая соответствует единству бытия, а вторая, разрушает это единство и влечет мир к хаосу. Концепция меры-числа как первоосновы бытия присутствует у Пифагора, у Гераклита Логос выступает мерой и основой всего существующего, собирающей бытие в единство.

Самым показательным критерием важности меры для древнегреческой философской мысли является диалог Платона «Тимей». Если хаос является тем, к чему еще не прикоснулся бог-демиург [12, с. 511-512], то соразмеренность – основа миропорядка, образованного из взаимодействия стихий воздух, вода, огонь и земля [12, с. 513]. Существование бытия полностью обусловлено диалектическим взаимодействием этих двух противоположностей хаоса и космоса. Бытие «держится» на балансе меры. Окончательное избавление бытия от хаотического компонента невозможно, так как это «родовая суть, которая рано или поздно даёт о себе знать, прорываясь через ограничения разумного порядка». [10, с.120-121]. Мифопоэтическое описание мировых катастроф не предполагает полного изгнания хаоса, но оттесняет его «на периферию» [8, с. 151]. Однако переизбыток хаоса и нарушение меры ставят бытие на грань его существования: «Всякая смесь, если она ни в какой степени не причастна мере и соразмеренности, неизбежно губит и свои составные части, и прежде всего самое себя. Ибо при таких обстоятельствах это не смесь, но какая-то беспорядочная масса, всегда приносящая беду ее обладателям» [14, с. 92]. Получается, что мера обеспечивает взаимосвязь между хаосом и космосом, являясь самой главной скрепой существования мира. Пропорцией космической меры владеет лишь бог-Демиург, который видя, что мир идет к саморазрушению, что свойства беспорядка и неразумности начинают преобладать над порядком, вновь начинает создавать космос и упорядочивать его. «Соразмеренность всюду становится красотой и добродетелью» [14, с. 92], поэтому мера принадлежит вечности и является тем фундаментальным эйдосом, который находится в основании бытия. Космос (бытие) предполагает границу, хаос эту границу разрушает, будучи безграничным. Поэтому, мера является, границей космоса и хаоса, препятствуя чрезмерному распространению последнего, так как именно нарушение баланса меры между ними может привести сначала к победе хаоса, а затем к исчезновению бытия в небытии. Таким образом, Платон еще более рационализирует меру и «поднимает» ее до умозрительного образца всего существующего, открывая возможность для дальнейшей рационализации этой категории в трудах Аристотеля и Г.В.Ф. Гегеля.

Что касается лагома, то корневая основа данной концепции берет начало из скандинавской мифологии, а именно из мифа о возникновении мира. Речь идет о структуре мироздания, задаваемой древом предела – священным Иggдрасилем, который является первомерой всего существующего. Прорицательница-вёльва говорит о девяти

корнях, из которых прорастают девять миров соответственно [5, с. 22]. Возникают эти вечные миры из хаоса [17]. В начале был «великий хаос: это не был ни песок, ни море, ни ветер, ни буря (...) земли не было, и сверху не было неба» [18]. Пророчица отсылает нас к небытию, где зарождается семя мировой меры (древа предела), которое оформится затем в девять миров. Срединный человеческий мир – Мидград существует в некоторой смеси пределов бытия и небытия, так как непосредственно взаимодействует с неупорядоченной областью мира Ётунхейм, где обитают великаны. Это совершенно дикая земля, которая «отдана на откуп стихиям и хаосу неукрощенного мира» [5, с. 27].

Нечто похожее мы находим в древнегреческой орфической космологии: миропорядок возникает из хаоса, его первородителем является Океан, в котором плавает мировое яйцо – прообраз бытия или космоса. В этом мировом яйце был зачат первый свет, персонифицируемый вышедшим из него божеством Фанесом Протагоном. После этого свет – Фанес образовал первую божественную пару с богиней ночи Нюкте (тьмой) и в этом союзе была обретена первая равновесная основа бытия, а существование мира стала очевидным совершившимся фактом. Фанес Протагон напоминает скандинавского великана Имира, который уже существовал до создания бытия и затем стал плотью, материей для творения девяти миров Игграсиля. Имир зародился в хаосе небытия, когда «только бездна зияла» [19]. Его возникновению предшествовали два первомира: огненный Муспельхейм и ледяной Нифльхейм. Получается, что первое живое существо уже содержало в себе две противоположности огня и льда, которые являются вечными стихийными началами и сохраняются, даже если погибнет мировое дерево. Огонь здесь можно интерпретировать как первозданный хаос, так как это стихийное начало, способное уничтожить не только все, но и в конечном итоге самое себя. Чтобы этого не произошло, огонь должен уравновешиваться своей полной противоположностью, которая выступает в виде льда как его предела, т.е. предела хаоса. Лед – это стихия воды в своей оформленности, упорядоченности, способная остановить стихию огня или сдержать ее. Таким образом, мифический Имир – живое антропоморфное первотворение двух вечных первомиров: огня и льда, хаоса и порядка, небытия и бытия.

В скандинавской мифологии существование мира поддерживается мерой стихийного диалектического взаимодействия хаоса и порядка, аналогично тому, как это выстраивается в орфической мифологии. Однако, если в отношении античной меры четко выявляется философско-мифологическая парадигма онто-космологии, то в отношении скандинавского лагома, который хотя и несет изначальную понятийную нагрузку меры как предела бытия, философская развертка его смыслового содержания практически отсутствует, то есть это понятие остается в контексте мифа.

Мера и лагом в экзистенциально-антропологической перспективе

Космо-онтологический критерий меры переносится древнегреческими философами в антропологическую парадигму прежде всего с учетом ее рационализирующего начала. Недаром Платон вкладывает в уста Сократа слова: «Хочешь ты того или нет, тебе придется допустить, что ты мера» [15, с. 266]. Наличие у древнего грека страха перед поглощающей бездной и пустотой хаоса способствовало его неутолимому желанию поиска разумных оснований мира и существования человека, рождало невероятное по силе стремление к чистому «эайдосу» бытия, усматриваемому в свете разума. Из этого стремления рождалось понимание того, что я-есть – это способность измерить свое существование через несуществование: «Мера существующего или несуществующего есть каждый из нас» [15, с. 26]. Обнаружение себя в бытии и оказывалось, по словам М.

Хайдеггера «проекцией сущего на бытие» [\[23, с. 117\]](#).

Выше упоминался важный ритуал скандинавской традиции, когда викинги садились в круг и каждый, отпив из чаши с медовухой по глотку, передавал ее другому. Именно так происходило обнаружение себя в круге непотаенного, и тем самым определялась мера существования и не существования героя. Потому что если тебя нет в этом круге, то ты не существуешь для рода и племени, для бытия и для себя самого. Ты остаешься непроявленным для мира, неучаствуешь во всеобщем действии (*laget om*), где каждому отводится его мера бытия. В скандинавских языках слово «вещь» (*ting*) одноименна с круговым собранием викингов, так же как немецкое «ding» можно связать со словом *ting* «то, о чем идет дело», то, что вынесено на общее собрание [\[4, с. 67\]](#), то и становится явным, единственным и существующим для всех. Круг непотаенности – это мера восприятия бытия, очерчивание того, что открывается им, мера отделения существующего от не существующего, дающая возможность ощутить пространство, где обнаруживает сама себя бытие человека [\[23, с. 115\]](#). Открытие пространства бытия, как следствие, приводит к обнаружению истины ($\square\lambda\dot{\eta}\theta\varepsilon\alpha$), которая есть выход из потаенного. Ключом, открывающим этот выход к истине, является как древнегреческая мера, так и скандинавский лагом.

Человек является носителем меры: «Мера – это ум и знание» [\[14, с. 94\]](#), потому что он существо разумное и сознательное. Мера дана человеку, вернее встроена в него a priori, т.к. является сущностной основой разума. Она же определяет в нем человеческое измерение настолько, насколько он способен к осознанности. Для самого человека мера проявляется в процессе самопознания, а вовне она выступает как разумность или разумная деятельность. Гармоничная открытость человеческого разума и вовлеченность в оба эти процесса способна привести к наивысшей ступени знания – мудрости. Поэтому Сократ произносит: «Мудрейший, и есть мера» [\[15, с. 281\]](#), есть сам Разум во всем своем наивысшем существовании, которое только возможно достичь в земной жизни. В этом кроется глобальное отличие сократовского понимания мудрости от протагоровской софистической декламации: «Человек мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют» [\[20, с. 72\]](#). Сократ указывает на то, что это разум должен со-измеряться в соответствии с данной ему свыше мерой, потому что она имеет божественное происхождение. Со-измерение разума – это движение оформления ума (энтелехия), [\[1, с. 247\]](#) согласное с мерой. Человек оформленного ума обретает благоразумие и умеренность. Ведь только со-измеренный с мерой разум способен достичь Блага, а значит постичь главную цель человеческой жизни – счастье. Тем самым, Сократ подводит своих учеников к признанию того, «что человек не знает главного». [\[4, с. 68\]](#). Прежде чем пользоваться мерой своего разума (разумностью), нужно познать самого себя. Именно самопознание приводит человека к определенной мере, при которой он может осмысливать свое существование так, как оно есть, а осмысляя его, человек проецирует себя на бытие окружающего мира. Таким образом, со-измерение – это естественный процесс, когда разум стремится к мере как неполная и тяготеющая к целому часть, только так человек становится человеком. Смысл слова чело-век можно проинтерпретировать как единство века – вечности и чела – разума. Мера принадлежит вечности, поэтому разум, со-измеряясь с ней, тоже должен стать вечным, а значит оформленным бессмертным эйдосом человека.

Тезис Протагора процитированный выше отрицает сократовский поиск полноты целостного себя и обращает не человека как такового [\[2, с. 157\]](#), а отдельно взятого индивида к внешнему измерению (познанию) вещей, обнаруживаемых в горизонте

существования: «Человек тут продолжается в вещах – делах и предметах, – которые попали в поле его притяжения» [\[23, с. 116\]](#), то есть обитает в круге непотаенного. Остальные же вещи, которым отказано в присутствии в этом круге «выпадают» в не существование. Главной проблемой протагоровского тезиса о человеке является его оторванность от понимания того, что мера есть процесс постижения человеческим разумом божественного начала. И потому, каждый взятый в отдельности разум, соизмеряя вещи с самим собой, может ошибиться.

Таким образом, сократовское понимание меры предстает перед нами как нечто тождественное разуму. Здесь не человек измеряет вещи, как в тезисе Протагора, а самопознание обусловлено вещью занятой раскрытием своей сущности. С одной стороны, «мы называем так же знание и чувственное восприятие мерою вещей» но, если бы их не было, мы бы не могли произвести процесс со-измерения своего знания с ними, то есть познание внешнего мира было бы невозможным. Аристотель высказывает о тезисе Протагора, как о ничего не содержащем, по сути. Это сродни утверждению, что человек есть знающее и чувствующее существо. Поэтому вещи скорее измеряются, чем их измеряют [\[1, с.255\]](#). Если следовать мысли Сократа, Платона и Аристотеля, то мера должна приводить к открытию Истины, которая и есть Благо. Наивысшая цель человеческого существования в том, чтобы «стремиться воспринять разумом подлинное бытие, возможно ненадолго, но познать и питаться «созерцанием истины» и блаженствовать [\[16, с. 156 д\]](#). Прежде нужно «знать истину относительно любой вещи», а потом со-измерять или определять все существующее в соответствие с этой истиной. В такой перспективе главное расхождение Сократа с релятивизмом Протагора заключается в том, что Истина для Сократа значимо существует, она есть цель всего [\[7, с. 699\]](#).

Еще одним смысловым совпадением античной меры и скандинавского лагома является поиск внутренней гармонии (*árrmovia*), снятие внутренних противоречий. Когда человек «сам настроил свою жизнь как гармоничное созвучие слов и дел» [\[13, с. 278\]](#), осуществил поиск со-размерности между душой и телом: «Не возбуждать ни души в ущерб телу, ни тела в ущерб душе, но давать обеим сторонам связаться между собой, дабы они пребывали в равновесии и здравии» [\[14, с. 582\]](#). Это поиск «золотой середины» для собственной жизни. То же обнаруживается в современных интерпретациях понятия лагом. Концепция лагома предполагает выстраивание образа жизни, который ориентирован на гармонию, душевное равновесие и проявляется в повседневном вопрошании: «Что такое в моем понимании жизнь?» и «Что я могу сделать, чтобы чувствовать себя удовлетворенным и уравновешенным?». Подобные вопросы отсылают нас к переоценке жизни, пониманию того, что для нас действительно важно. Забота о себе здесь вполне сочетается со здоровым эгоизмом, что становится нормой современного общества. Лагом «ведет нас к тому идеальному месту, где мы сохраняем естественное здоровье разума, души и тела». [\[24, с. 64\]](#).

Лагом несет в себе сократовскую нагрузку поиска тождества меры и разума через согласие с самим собой и через форму заботы о себе, выражющуюся в том, чтобы познавать самого себя и поступать разумно. [\[22, с. 98\]](#). Если применять понятие лагома к внешнему окружающего миру, то оно полностью вписывается в протагоровский тезис и оценивается более релятивистски, чем объективно. Концепция лагома скорее прикладная и практическая. Она предлагает работу для человеческого сознания с опорой на «жизнь снаружи» в ее предметности, реализуя, прежде всего, заботу о внешнем мире, которая как следствие должна привести к внутренней заботе о себе.

Сократовский подход подразумевает обратное движение, предлагая оттолкнуться от заботы о себе, которая, как следствие, должна привести к заботе о внешнем мире. Если изначально категория древнегреческой меры разрабатывалась античными мыслителями в универсальном ключе, и только Протагор допускает софистически индивидуалистский крен, то скандинавский лагом в современной интерпретации разрабатывает индивидуалистический фокус жизни до мелочей.

Антрапологичность эстетики

Одним из самых важных проявлений античной меры (сопразмеренности) и скандинавского лагома является красота и гармония. Начиная с атомизма Демокрита, в древнегреческой эстетико-философской мысли происходит сдвиг в сторону принципа множественности, который подразумевает распад целого на части. Применительно к человеку речь идет об индивидуализации, «выделении внутренней симметрии» каждого отдельного субъекта. В индивидуализации слышится призыв к уединенному и безмолвному созерцанию красоты природы, к попытке гармонизировать человека и окружающий его мир. Мышление безусловно связано с внутренней гармонией души и если человек «теряет ум», то гармония нарушается [\[11, с. 508\]](#). Пребывая в созерцании и размышлении, можно получить удовольствие от прекрасного [\[11, с. 509\]](#).

Красота для древних греков - прежде всего совместимость и цельность, она содержит в себе совершенство, которое может характеризоваться ясным содержанием, жизнеутверждающей простотой, движением вечного и непрерывного мира (объединение разрозненных элементов). Даже диалектика хаоса и космоса или тела и разума для древнего грека не взаимоисключающая, а взаимодополняющая. В скандинавском лагоме присутствуют все вышеперечисленные характеристики красоты, но совместимость и цельность превращается в функциональность. В самом поиске красоты есть существенное отличие, которое наиболее ярко можно обнаружить в дизайне и архитектуре стран Скандинавии, связанное со стремлением к нейтральности и абстрактности, в противовес древнегреческой беспечности и игривости смешанной с трагичностью. Лагом как стиль жизни укоренён в повседневности, поэтому для него характерно стремление к нейтральности, а не к яркости и событийности. Лагом-дизайн должен уравновешивать, успокаивать психику человека, дарить комфорт и уют. Жилье должно быть экологичным, лишенным стрессовых факторов, которые нас окружают, дающим чувство покоя, защиты и умеренности [\[24, с. 106\]](#).

Если у древних греков эстетика диалектична, то у скандинавов – минималистична (включает в себя простоту и функциональность). Это стремление к визуальному расширению пространства с использованием преимущественно светлых тонов, избеганием резких переходов в цветовой гамме (использование не более трех цветов) [\[21, с. 234\]](#) и в формах производимого товара. Это практичность, функциональность, свобода передвижения или перемещения вещи, рациональный расчет в приобретении со ставкой на долговечность и натуральность материала, из которого сделан товар. Простота, умеренность, пространство, функциональность – это главные составляющие принципа лагом. Эстетика становится главным фактором благополучия человека, так как влияет на эмоциональное и физическое здоровье человека.

Красота и гармония в современном мире полагает в себе еще и полезность, которая заключена в функциональности вещи, примером может быть дизайн стульев датского мастера Ханса Вегнера или архитектура и дизайн скандинавской школы функционалистов Поля Хеннигсена, Алвара Аалто и Арне Якобсена. Красота и

полезность были неразрывно связаны между собой, в том числе, и для древних греков. Для них «наслаждение создавалось не столько прекрасными видами окружающей природы или космоса, не столько восторгом в отношении каких-либо изящных или красивых форм», но более всего «жизненной целесообразностью этих предметов, их полезностью и нужностью для человека, совершенством и гармонией их построения» [11, с. 579-580].

Новоевропейская традиция долгое время характеризовалась борьбой человека с природой, задачей ее покорения силе человеческого разума. Концепция лагом выходит за рамки такой борьбы, возвращает человека к потерявшему чувству единства с природой и жизнью как первообразами всего существующего. Аналогичный подход был присущ и эстетике древних греков. Современная скандинавская архитектура и дизайн не только функциональны, но и органичны. С одной стороны, это искусственный мир, но, с другой стороны, он гармонично встроен в мир природный, естественный. Такое искусство стремиться пропустить через себя природу и отразить ее, а не закрыться от природного мира толстыми стенами и непроницаемыми окнами.

В заключение можно сказать, что понятия античной меры и скандинавского лагома, безусловно, во многих значениях совпадают и взаимодействуют друг с другом, но каждое из них несет собственную специфическую смысловую нагрузку. Термин лагом можно и нужно использовать в философии, особенно когда речь идет о философии повседневности, философии минимализма и эвдемонизма. Очевидно также, что это самостоятельно развивающийся термин, который получил широкое распространение в начале XXI века. Его можно рассматривать и как дополнительное смысловое расширение самой категории античной меры (мета-термин) и как отдельную самостоятельную концепцию образа жизни современного человека, образа заботы о себе, потому что следуя выражению Клеобула из Линды «лучшее – это мера».

Библиография

1. Аристотель. Метафизика // Собрание соч.: В 4 т. М.: Наука. 1976. Т. 1. С. 63-368.
2. Асоян Ю.А. "Человек как мера" и "забота о себе" в интерпретациях М. Хайдеггера и В. Бибихина // Вестник ПСТГУ . Серия IV. Педагогика. Психология. Вып. 57, 2020. С. 153-164.
3. Бергрен С. Лагом: не много, не мало. Шведская философия золотой середины. Минск: Поппури. 2019. 320 с.
4. Бибихин В.В. поиск своего в "Алкивиаде" Платона // Логос. №4 (83), 2011. С. 63-88.
5. Биркетт Т. Скандинавские мифы и легенды. Старшая Эдда. Прорицание вёльвы, 2. М.: КоЛибри. 2021. 320 с.
6. Бронс А. Лагом. Ничего лишнего. Как избавиться от всего, что мешает быть счастливым. М.: Издательство "Э". 2018. 224 с.
7. Волкова Н.П. «Мера всех вещей» Протагора как критерий истины. // ΣΧΟΛΗ. Vol. 13.2.2019. С. 696-704.
8. Гудимова С.А. Античновть: человек, миф, космос // Вестник культурологии. №2, 2018. С. 149-162.
9. Карлсон Э. Лагом. Шведские секреты счастливой жизни. М.: Эксмо. 2021. 208 с.
10. Кулик А.В. Представление Платона о хаосе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. № 26(65). 2013. С. 119-126.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая школа. 1963. 583 с.
12. Платон. Тимей // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 495-588.
13. Платон. Лахнет // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 268-294.

14. Платон. Государство. Кн.1 // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994, Т. 3. С. 97-494.
15. Платон. Теэтет // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192-274.
16. Платон. Федр // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135-191.
17. Прорицание провидицы. Voluspa / Пер. С. Свириденко. URL: <https://norroen/info/src/edda/voluspa/rut.html> (дата обращения 25.11.2023)
18. Прорицание провидицы. Voluspa / Пер. М.М. Стасюлевича, 1864 // Извлечение из Старой Эдды XII ст. Волу-Спа 3. URL: <https://norroen/info/stc/voluspa/ru3> (дата обращения 26.11.2023).
19. Прорицание провидицы. Voluspa / Пер. В.Г. Тихомирова. URL: <https://norren/info/scr/edda/voluspa/rut/html> (дата обращения 25.11.2023)
20. Секст Эмпирик. Собрание соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 400 с.
21. Теплинская В.С. Философский Lagom и дизайн среды // VIII Международная научно-практическая конференция. Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. С. 233-236.
22. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1981-1982 году. СПб: Наука. 677 с.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993. 446 с.
24. Экстрём Л. Lagom. Секрет шведского благополучия. М.: Колибри, Азбука Аттикус. 2021. 204 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается вопрос об отношении культурно-исторического образа «лагом» к философской категории меры. Автор стремится обосновать положение о том, что «мера» и «лагом» выполняют аналогичные функции в породивших их культурных традициях, и можно сказать, что эта задача решается в целом успешно. В статье содержится информация и собственные размышления автора, которые могут быть интересны для многих читателей, представленный текст свидетельствует об эрудиции автора и его способности анализировать трудные проблемы истории философии и культуры. Вместе с тем, знакомство со статьёй побуждает сделать некоторые критические замечания. Главным из них является предостережение относительно того, что не следует поспешно приписывать тому или иному концепту, порождённому в истории национальных культур, статус философского понятия. Можно согласиться с тем, что в качестве образов национальных культурно-исторических традиций «мера» и «лагом» выполняют близкие функции, но первый послужил основанием для возникновения величественной философской и научной традиции, оказавшей огромное влияние на развитие всей человеческой культуры, что и придаёт «мере» статус ключевого философского понятия, а из «лагома» не выросло пока ничего. Автор упоминает о том, что соответствующий термин «получил в последнее время широкое распространение не только в культурологическом, семантико-лингвистическом, но и философском контекстах», однако, можно ли на этом основании сопоставлять его с фундаментальной философской категорией, составляющей саму сердцевину рациональности? Далее, оригинальное содержание статьи состоит в рассмотрении «лагома», почему же тогда и в названии, да в значительной мере и в изложении на первый план выходит «мера»? Этой категории в отечественной философии посвящены многочисленные публикации историко-философского и философско-теоретического

характера, и вряд ли сегодня можно выявить какие-либо новые составляющие «меры» в ходе рассмотрения, в котором это понятие составляет лишь «фон» рассказа о другом концепте. Одним словом, следует скорректировать название, сфокусировав внимание читателя именно на «лагоме», и внести изменения в текст, исключив из него, в частности, общеизвестное историко-философское содержание, посвящённое категории меры. Некоторые высказывания автора носят слишком «решительный» характер, и они должны быть либо обоснованы, либо скорректированы. Так, уже в первом предложении читаем, что «наступившая эпоха требует пересмотра фундаментальных философских категорий». А откуда это следует? И, собственно, что удалось автору «пересмотреть» в отношении «меры»? Недоумение возникает и тогда, когда в заключительном абзаце замечаем, что «мера» и «лагом» не только во многом «совпадают» (с чем можно согласиться), но и «взаимодействуют друг с другом». Что значит «взаимодействуют»? Может быть, в подобном «взаимодействии» нуждается «лагом», но никак не «мера», которой не требуется никакое «дополнительное смысловое расширение», как утверждает автор. Завершилась сама философская традиция, в которой это понятие сформировалось, и оно, очевидно, уже не может «расширить» свой «смысл». Думается, автору следовало бы сохранять некоторую «консервативность» в отношении содержания истории философии и не принимать без достаточных оснований подобные утверждения тех или иных современных исследователей, даже если они становятся «философской модой». Наконец, в тексте осталось очень много пунктуационных ошибок, которые должны быть исправлены, например: «смысловой контекст термина «лагом», более всего близок...» (зачем запятая?); «затем, он трансформируется...» (то же самое); «тезис Протагора процитированный выше отрицает...» (почему не выделен причастный оборот?), и т.п. Однако, думается, большая часть этих замечаний может быть учтена автором в рабочем порядке, а некоторые, может быть, привлекут его внимание в процессе дальнейшей работы по избранной теме, рекомендую принять статью к печати.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Каннъкин С.В. «Бегущие тела» под линзой Мишеля Фуко // Философская мысль. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.5.69784 EDN: CYQEUZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69784

«Бегущие тела» под линзой Мишеля Фуко

Каннъкин Станислав Владимирович

кандидат философских наук

доцент, кафедра гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ "МИСиС"

309516, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, микр. Макаренко, 42

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.69784

EDN:

CYQEUZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-02-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию формирования «социального тела» спортсмена-бегуна средствами анатомо- и биополитики, концепции которых разработаны М. Фуко. Автор решает такие задачи, как экспликация видов и особенностей дисциплинарных практик, используемых в подготовке специализирующихся на беговых видах легкоатлетов; анализ проявлений сопротивления и трансгрессии бегунов; исследование этической самотрансформации спортсменов в рамках фуколдианских «технологий самости»; выявление некоторых актуальных и назревающих проблем бегового спорта, связанных с отношениями власти, контроля, тела и знания. Также в работе предпринята попытка придать прикладное значение фуколдианским интерпретациям властных отношений во взаимодействии «тренер – спортсмен» с целью проблематизации анатомополитической власти и используемых в ее рамках дисциплинарных практик, что важно для развития субъектности и расширения возможностей реализации потенциала как спортсмена, так и тренера. Методология исследования базируется на концептуальном анализе теоретического наследия М. Фуко и рецепции идей французского философа российскими и западными учеными. Автором определены основные дискурсы, оказывающие наибольшее влияние на подготовку

спортсменов-бегунов (документы, выражающие государственную политику в области спорта; тексты академической науки; спортивные периодические издания; научно-популярные тексты, а также фильмы, художественные произведения, легенды и т.п.); проанализированы "дисциплинарные инструменты" спортивно-тренировочного процесса (планы подготовки, упражнения, специфическая организация времени и пространства, "иерархическое наблюдение", "нормализующие суждения", "признание", "экзамен"); выявлены виды сопротивления и трансгрессии бегунов; исследован механизм работы спортсменов-бегунов над собой в рамках «технологий самости» М. Фуко с целью повышения своего качества как этического субъекта; даны фуколдианские интерпретации некоторых актуальных и потенциальных проблем бегового спорта, способствующие их более глубокому пониманию (беговая зависимость; усиление контроля за бегунами при помощи технических средств; евгеника и неоевгеника; киборгизация спортсменов; допинг как компонент анатомо- и биополитики; авторитарные тренерские практики).

Ключевые слова:

философия спорта, бег, анатомополитика, биополитика, власть, трансгрессия, дисциплинарные практики, киборгизация, допинг, тренер

Наследие Мишеля Фуко (1926-1984), французского историка, культуролога и философа, уже несколько десятилетий плодотворно осваивается представителями разных направлений философии и социологии спорта. Обращаясь к американским, канадским и британским исследованиям, согласимся с мнением, что «важность понимания закономерностей англоязычной рецепции работ Фуко продиктована тем, что она формирует сейчас академический канон, задает идеологические, методологические, тематические образцы для исследователей в различных частях научного мира» [1, с. 48-49].

Прежде всего хочется отметить фундаментальный труд Пиркко Маркулы и Ричарда Прингла «Фуко, спорт и упражнения. Сила, знание и трансформация себя» [2], который содержит фуколдианские интерпретации отношений в спорте и фитнес-культуре тела, власти и идентичности, а также анализ конструирования спортивных социальных практик. Здесь исследуются способы, с помощью которых «спортивные тела» осмысливают влияющие на них социальные силы, а занятия фитнесом и спортом трактуются авторами как выражение свободы и площадки для социальных изменений. Привлекает внимание и объемное исследование Брайана Пронгера [3] с провокативным названием «Телесный фашизм: спасение через технологии физической подготовки», где автор, используя (и при этом нередко проблематизируя) обширный материал из работ М. Фуко, обосновывает свою главную идею: энергия тела уязвима для различных форм эксплуатации и подчинения, однако ее спасение в потенциале трансцендентности, которым обладает спорт.

Работа Дэвида Эндрюса [4] основана на подходе, раскрывающем биополитическую конституцию человеческого опыта. Это обосновывает авторский тезис о том, что генеалогия М. Фуко может плодотворно применяться в русле философской критики спорта. В публикации Джона Харгривза [5] показано, что контроль над внешним видом, лечением и функционированием тела (в том числе спортивным) является универсально важным аспектом социального порядка, а разработка и усовершенствование таких форм

контроля сыграли решающую роль в возникновении и развитии современных социальных формаций. Статья Джин Харви и Женевьевы Рейл^[6] демонстрирует, как ключевые концепции М. Фуко («эпистема», «дисциплина», «биовласть», «наблюдение», «паноптизм», «пристальный взгляд», «технологии самости», «субъективизация») использовались в англоязычной и франкоязычной социологии спортивных обществ, раскрывая различные аспекты их социального бытия. Пиркко Маркула^[7] обращается к работам М. Фуко для исследования того, как в них материальность тела и физическое движение переплетаются с социальным анализом. Ричард Прингл^[8] сравнивает теоретические инструменты, заимствованные из работ А. Грамши и М. Фуко, в аспекте их использования для изучения спорта и маскулинности, исходя из предположения о том, что концепция маскулинной гегемонии опирается на особое понимание власти.

Поскольку предметом интереса автора данной статьи являются социокультурные аспекты различных беговых практик, особую значимость для данной работы представляют труды исследователей, изучающих сквозь призму воззрений М. Фуко технологии власти и самости в тренировочно-соревновательной деятельности «бегущих тел». В первую очередь следует отметить публикаций, в которых даны фуколдианские интерпретации отношений тренера и спортсмена-бегуна, где зримо проявляются элементы анатомо- и биополитики, опосредованные разнообразными дискурсами. Речь идет о статьях Джима Денисона, Джозефа Миллса, Тимоти Коновала, Ричарда Прингла, Тани Кэссиди и Пола Хессиана^[9, 10, 11, 12, 13, 14], где показано, как чрезмерно контролирующие тренировочные практики могут объективизировать тела спортсменов и, как следствие, ограничивать их развитие, а также предлагаются менее ограничивающие свободу и инициативу спортсменов-бегунов, но при этом достаточно эффективные дисциплинарные техники, позволяющие атлетам одновременно повышать свою спортивную эффективность и проявлять фуколдианскую «заботу о себе», формируясь в качестве этических субъектов.

Люк Джонс, Зои Авнер, Джим Денисон^[15] применяют концептуальный аппарат М. Фуко для анализа изменения отношения к спорту бегунов, закончивших выступления на высшем уровне и находящихся в поиске новой идентичности; Уильям Бридел и Женевьеве Рейл^[16] исследуют дискурсы о физической активности, беге и доминирующих представлениях о мужском теле бегунов-марафонцев, относящихся к сообществу гомосексуалов. Дэвид и Дженифер Джонс посвятили свое исследование рациону питания спортсменов, чтобы показать, как этот аспект дискурсивной практики преломляется через различные технологии власти как средства доминирования и «технологии самости» как средства трансформации атлетов^[17]; проблемы цифрового надзора над спортсменами привлекли внимание Эндрю Мэнли и Шона Уильямса^[18]. Отметим, что все эти публикации ранее не были представлены на русском языке и далее в статье цитаты из них даются в переводе ее автора.

Ряд российских ученых также проявили интерес к сопряжению концепций М. Фуко и актуальной проблематики социокультурной обусловленности спортивных практик. Значимыми для нашего исследования оказались работы В.И. Белозёрова^[19], где анализируются концепции французской и немецкой социологии спорта, в том числе рассматривающие некоторые аспекты спортивного конструирования телесности; М. А. Богдановой^[20], раскрывающей факторы и механизмы спорта как социальной техники, посредством которой происходит превращение биологического тела человека в «тело социальное»; Д. Куракина^[21], разрабатывающего культурсоциологию тела с опорой на

идеи Э. Дюркгейма и его последователей, к которым относится и М. Фуко; И. М. Быховской [22], рассматривающей соотношение понятий «физическая культура» и «культура тела», а также анализирующей отдельные современных телесные практики, включая спортивные, и проблемы, порожденные возрастанием возможностей воздействия на телесные аспекты бытия человека. На высоком методологическом уровне исследует проблемы сопряжения телесного и ментального в понимании физической культуры А. А. Воронин [23]; убедительно обосновывает возможность выделения социологии тела в самостоятельное научное направление Д.А. Старостина [24]; влияние современных технологий на формирование современной биополитики в отношении физической культуры и спорта эксплицирует О. В. Попова [25]; философский анализ понятия «дисциплина тела» представляет в своей статье Е. В. Шемякина [26]; на сближении анатомополитики и биополитики М. Фуко как двух типов и методов контроля и регуляции строят свой анализ допинговой ситуации в современном российском спорте А. Макарычев и С. Медведев [27].

Анализ рецепции идейного наследия М. Фуко зарубежными и российскими исследователями позволяет выявить отличие данного исследования от аналогичных, заключающееся в большем охвате (насколько это возможно в рамках одной статьи) концептуальным аппаратом французского философа социокультурных аспектов бытия спортивных беговых практик и, соответственно, достижении более объемного видения формирования «социального тела» спортсмена средствами анатомо- и биополитики. Это выразилось в постановке и решении таких задач исследования, как экспликация видов и особенностей дисциплинарных практик, используемых в подготовке специализирующихся на беговых видах легкоатлетов; анализ проявлений сопротивления и трансгрессии бегунов; исследование этической самотрансформации бегунов в рамках фуколдианских «технологий самости», а также выявлении некоторых актуальных и назревающих проблем бегового спорта, связанных с отношениями власти, контроля, тела и знания.

Также автором данной работы предпринята попытка придать некоторое прикладное значение фуколдианским интерпретациям властных отношений в системе «тренер – спортсмен». Очевидно, что в современном российском спорте беговые дисциплины находятся в глубокой стагнации. Достаточно сказать, что последняя олимпийская победа у российских бегунов-мужчин случилась ровно 20 лет тому назад, а статистические данные результатов ведущих бегунов и бегунов мира за 2023 год не оставляют нам даже малейшей надежды на пьедестал на крупнейших мировых соревнованиях. Причин этого кризиса много, но одной из них является непопулярность беговой специализации (особенно бега на длинные дистанции) у российских детей. Дело в том, что беговые тренировки на средние и длинные дистанции в основном направлены на стимулирование метаболической адаптации путем пробегания отрезков определенной тренером длины с заданной им же скоростью. И вот большую часть тренировки дети «катают отрезки», а затем выполняют специальные беговые упражнения и занимаются общефизической подготовкой. Из них делают «послушные тела», двигающиеся строго в одном направлении (против часовой стрелки), ограниченном линиями дорожек стадиона, с жестким хронометражем, постоянной пульсометрией, контролем техники, причем все это происходит строго в рамках повторяющихся циклов. Приказы тренера никогда не ставятся под сомнение, а дисциплинированность провозглашается главной добродетелью юного спортсмена. Много ли найдется детей, желающих тренироваться в такой обстановке, тем более, что в школе их каждый день ждет то же самое? Западные исследователи спорта, работы которых представлены в обзоре, ищут самые разнообразные способы подрыва этой анатомополитической власти (некоторые из этих

способов представлены далее), чтобы проблематизировать и регулярно нарушать дисциплинарные механизмы, лежащие в основе тренировок. Это делается для того, чтобы спортсмены постоянно сталкивались с новыми вызовами, к которым они должны быстро приспособливаться, дабы научиться лучше контролировать свое развитие и быть активно участвующими субъектами тренировочного процесса, а не объектами властных манипуляций тренера в виде послушного тела. При этом постоянно развивается и сам тренер, поскольку тренировки и его личность приобретают процессуальность, которую можно постоянно изобретать заново и в меняющихся контекстах. Как нам представляется, такой подход очень важен для развития российского бегового спорта.

Дисциплинарные практики в подготовке спортсменов-бегунов

Физкультурно-спортивный контекст телесного бытия современного человека вызывает особый философский интерес к феноменологическому, экзистенциальному и социальному опыту движущегося тела [28], поскольку «движущееся тело <...> влияет на организацию всего пространства, на корпоративные императивы и самые разные политики идентичности (связанные с гендером, расой, социальными классами и т. д.). Оно выражает жизнеспособность (vitality) в ее продуктивных и физиологических характеристиках, движет сложную экономическую систему, выступает как значимая часть культурных идентичностей и различных политических практик» [22, с. 103]; «двигаясь, тело создает свою реальность. Движение – это изначальный логос реального для нас, воплощенных. Голуби, по-видимому, не могут видеть, если они не двигаются, – вот почему они качают головами взад и вперед, когда ходят. Аналогичным образом, мы не «видим» реальность без движения. Если мы не двигаемся, нас нет. Для нас нет реальности без наших собственных движений» [3, с. 80].

В спорте движущееся тело – это прежде всего бегущее тело, поскольку на этом виде локомоции основаны многие спортивные дисциплины, а в ходе тренировочного процесса бег, в отличие от прочих видов движения, используется практически универсально, развивая не только скорость, выносливость и координацию, но и важные для спорта психологические особенности личности. Также важно отметить, что стайерский бег – наиболее массовый современный вид любительского спорта, которым занимаются сотни миллионов людей на всех континентах, а престижные беговые соревнования (в частности, марафоны-«мейджоры») – самые представительные в мировом масштабе мероприятия по количеству участников, где десятки тысяч стайеров разных возрастных, гендерных и прочих статусных групп стартуют «волнами» в одном забеге.

Следует учитывать, что «тело бегуна» – это такой же социальный конструкт, как и «балетное тело», «тело пловца», «тело бодибилдера» или «тело фитоняшки». Все они суть единство природного компонента («плоти» согласно М. Мерло-Понти), результатов ее преобразования при помощи различных методов и технологий («культурное тело») и в той или иной мере воплощенных в этом теле социокультурных стандартов, на которые ориентирована преобразующая плоть деятельность («социальное тело») [22, 24].

Воплощенным агентом формирования такого тела, концентрирующим в себе многие силовые линии власти, является **тренер**, руководящий поведением спортсмена, в том числе и за пределами спортивных практик, поскольку многие коучи уверены в том, что они должны максимально контролировать жизнь атлета и знать его лучше, чем сам спортсмен знает себя: «Алекс (имя тренера бегунов – С.К.) как-то заявил: «Я могу сказать вам, прочитав первую строчку утреннего сообщения от моей ведущей спортсменки, на какой фазе менструального цикла она находится» [13, с. 146]; «Аарон

(имя тренера бегунов – С.К.) описал свой подход таким образом: «Возвращаясь к моим спортсменам: у меня, вероятно, больше таблиц Excel с их данными, чем у есть у НАСА, отправляющего кого-нибудь на Луну» [13, с. 143].

О каких же силовых линиях идет речь? В терминологии М. Фуко они называются «дискурсами». Отмечая трудность однозначного определения этого концепта, М. Фуко рассуждает о нем так: «...я имел в виду то общую область всех высказываний, то поддающуюся индивидуализации группу высказываний, то установленную практику, объясняющую определенное число высказываний» [29, с. 160]. На примере подготовки бегунов для спорта высших достижений к дискурсам (в скобках приведены примеры) можно отнести документы, выражающие государственную политику («Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года»); тексты академической науки (классический труд Л. П. Матвеева «Основы спортивной тренировки»); спортивные периодические издания (журналы «Легкая атлетика» и Runner's World), научно-популярные тексты (книга олимпийского чемпиона в беге на 5 и 10 км В. П. Куца «От новичка до мастера спорта»), а также фильмы, художественные произведения, легенды, мифы, расхожие представления и т.п., касающиеся спортивного бега. Д. Ю. Куракин совершенно справедливо отмечает, что «...любой дискурс оказывается пронизан имманентными отношениями власти, что и дает ключ к разгадке принудительного воздействия дискурса на тело» [21, с. 66]. Особую символическую власть (П. Бурдье) над тренерами имеют научные тексты, так как в них, в отличие от политических программ, властные императивы скрыты за ширмой беспристрастной объективности: «легитимность науки достигается именно за счет сокрытия властных отношений, которые являются ее источником. Эффективность научных текстов – это способность совершать насилие, создавая нужное восприятие реальности, заставляя людей верить в эту реальность и скрывая тот факт, что они (тексты – С.К.) это делают» [3, с. 52]. Также важно подчеркнуть, что все вышеперечисленное – это не просто тексты, это теоретические (в широком понимании) основания различных методик социального конструирования эффективного бегущего тела, это способы формирования практик.

Отсюда следует постановка М. Фуко еще одной задачи, «...которая не заключается – больше не заключается – в рассмотрении дискурсов как совокупностей знаков (означающих элементов, отсылающих к содержаниям или представлениям), а заключается в рассмотрении их как практик, систематически формирующих те объекты, о которых они говорят. Конечно, дискурсы составлены из знаков; но то, что сами они делают, – это больше, чем использование этих знаков для обозначения вещей. И это больше, которое делает их несводимыми ни к языку, ни к речи. Вот это самое «больше» и нужно показать и описать» [29, с. 111-112, курсив источника]. К имеющим дискурсивную природу практикам («инструментам дисциплины»), осуществляемым в сфере подготовки бегунов, прежде всего относятся:

- **тренировочные планы**, в значительной мере регулирующие жизнь бегуна в виде «детального надзора», поскольку «дисциплина – это политическая анатомия детали» [30, с. 203]. Это приводит к тому, что «график тренировок, который мне пишет тренер, определяет в моей жизни все: мои планы на вечер и утро, расписание моих выходных, место и время отпуска и даже то, с кем я буду или не буду общаться» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 21]);
- **беговые упражнения**, связанные с улучшением физического тела бегуна на основе

подчинения воли тренера как носителя власти/знания и понимаемые в свете воззрений М. Фуко как «элементы политической технологии тела» [11, с.31]: «Действие разбивается на элементы. Определяется положение тела, конечностей, суставов. Для каждого движения предусматриваются направление, размах, длительность, предписывается последовательность его выполнения» [30, с. 221-222];

- **организация тренировочных времен и пространства:** беговые упражнения предполагают такие дисциплинарные практики, как распределение тренером бегунов в четко сегментированном пространстве манежа или стадиона, где спортсмен совершает за тренировку десятки повторений однообразных движений, что приводит его не только к физической, но и к психологической усталости от монотонии. Тренером устанавливается расписание занятий, время преодоления той или иной дистанции и определяются интервалы отдыха, этапы, ритмы и циклы упражнений, при этом за ограниченное время занятия нужно успеть сделать как можно больше, поэтому тренер в беге – это всегда человек с секундомером как атрибутом власти над временем занятий. В «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко так описывает временные параметры контроля над деятельностью: распределение рабочего времени; детализация действия во времени; корреляция тела и жеста для экономии времени, чтобы не тратить его на слова. Таким образом, время выполнения упражнений также становится средством дисциплинирования и подчинения «бегущих тел»: «в тело проникает время, а вместе с ним – все виды детальнейшего контроля, осуществляемого властью» [30, с. 222];

- **«иерархическое наблюдение»,** когда за бегунами следят тренер (например, едет на велосипеде за группой стайеров), его ассистенты, далее группа наблюдает за каждым своим членом, а бегун еще постоянно контролирует себя. «Посредством иерархического наблюдения, например, тренер может внедрить дополнительные тренировки для непригодных, занятия по повышению квалификации для неквалифицированных и упражнения для наказания опоздавших. Таким образом, иерархическое наблюдение отражает связь между видимостью и властью: видимое тело – это познаваемое тело, которое впоследствии может стать объектом воздействия власти» [2, с. 41];

- **«нормализующие суждения»:** например, замечания и суждения тренера, которые корректируют технику и тактику бега или оценивают образ жизни спортсмена в свете возможности достижения поставленных задач. Таким образом, тренеры выступают не только носителями дисциплинарной власти, но и агентами нормализации;

- **«признание»:** беседы тренера со спортсменами «по душам», утешение или мотивирование – аналог пастырских практик как обращения за помощью и оценкой к «эксперту» – носителю особого, нетривиального знания, в силу чего ему дано право «прощать и разрешать». М. Фуко таким образом связывает «признание», познание и власть: «Итак, будем отправляться от того, что можно было бы назвать «локальными очагами» власти-знания, такими, например, как отношения, завязывающиеся между кающимся грешником и исповедником, или между верующим и наставником. Здесь – и под знаком «плоти», подлежащей усмирению, – различные формы дискурса: испытание самого себя, допросы, признания, интерпретации, беседы – в ходе непрекращающегося передвижения вперед и назад транспортируют на себе разнообразные формы подчинения и схемы познания» [31, с. 199-200];

- **«экзамен»** – это любое соревнование, а также тестирование («контрольный бег») физических и психологических кондиций спортсменов. «Экзамен» можно рассматривать

и как важнейшее средство индивидуализации, и как контроль эффективности всех дисциплинарных практик (поэтому он часто ритуализируется), доказывающий результативность спортивной трансформации тела, однако здесь проверяется квалификация не только спортсмена, но и тренера. Сверхцель «экзамена» в спорте – это рекорд.

Таким образом, обучение бегуна – это рациональный и предсказуемый процесс выполнения набора упражнений на основе максимально детализированного плана, собранных в определенной последовательности, это функциональная практика, базирующаяся на научно обоснованных принципах тренировки в ситуации «паноптикума» и имеющая целью сделать как можно более производительными послушные тела.

Раскрыты «инструменты дисциплины», используемые для подготовки бегунов-спортсменов, до сих пор активно используются едва ли не во всех дисциплинирующих организациях, особенно ярко и отчетливо проявляясь в тюрьмах и армии. Интересно отметить, что интервальные тренировки, являющиеся основой подготовки в беге на выносливость, были впервые использованы в армейской среде: «Рейнделлу и Гершлеру (врачам, которых обычно считают пионерами интервальных тренировок) было поручено очень быстро привести в форму солдат австрийской армии, которые в 1939 году готовились к войне. Вот откуда взялись интервальные тренировки. У них были тысячи армейских новобранцев, они проводили интервальные тренировки и обнаружили, что могут значительно увеличить максимальный показатель V02 (потребления кислорода – С.К.) у солдат за шесть недель. Теперь, поскольку Гершлер также был тренером по легкой атлетике, он подумал, что сможет использовать эти знания со своими спортсменами» [\[13, с. 139\]](#). Важно добавить, что нередко великие бегуны были выходцами из сверхдисциплинарной, построенной на жесткойластной иерархии армейской среды, например олимпийские чемпионы Пааво Нурми, Эмиль Затопек, Владимир Куц и Абебе Бикила. На их примере мы можем лучше понять известное суждение М. Фуко: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, «исключает», «подавляет», «цензурует», «извлекает», «маскирует», «скрывает». На самом деле, власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [\[30, с. 284\]](#).

Сопротивление и трансгрессии бегунов

Однако же не следует забывать, что помимо процессов подчинения и превращения в «послушное тело» М. Фуко интересуют и процессы противостояния власти, которые он описывает, используя термины «технологии самости (в других переводах – «технологии себя», «технологии «я»») и «субъективизация». В отличие от другой формы господства – насилия, «...власть организуется согласно двум требованиям <...>: «другого» (того, кто испытывает на себе власть) должно признавать и сохранять до конца в качестве субъекта действия; перед отношениями власти должно открываться целое поле возможных ответов, реакций, последствий, изобретений» [\[14, с. 180\]](#). Одним из таких ответов является борьба с властью, которая ставит целью не освобождение от нее, что в принципе невозможно в такой сложной системе, как общество, но увеличение свободы индивида в ее рамках. В работе «Субъект и власть» [\[32, с. 161-190\]](#) М. Фуко различает три типа такой борьбы: противостояние формам господства (например, этническим, социальным и религиозным); противостояние эксплуатации, т.е. отделению индивида от производимого им; а также наиболее актуальное для современности противостояние

всему тому, что привязывает субъекта к самому себе, тем самым обеспечивая его подчинение другим. Власть, согласно М. Фуко, не принуждает фатально, поэтому всякий, испытывающий властное воздействие, имеет некие степени свободы в реакции на него. Например, спортсмен может выразить неудовольствие решениями тренера, отказаться выполнять некоторые упражнения или указания, в знак протеста не выкладываться в полную силу на соревнованиях, в конце концов уйти к другому наставнику или вовсе из спорта. Французский философ подчеркивает, что «...в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как если бы не было возможности сопротивления – сопротивления насилием, бегства, коварства, стратегий, переворачивающих ситуацию, – отношений власти не существовало бы вовсе» [32, с. 257-258].

Джон Бейл предлагает дифференцировать противостояние доминирующими социальными установками на сопротивление и трансгрессию. Различие между ними в том, что первое выступает как «действие против какой-либо нелюбимой сущности с намерением изменить или ослабить ее влияние» [33, с. 209], а второе Д. Бейл понимает как выход за пределы границ нормальности, который иногда бывает непреднамеренным. Примерами «нелюбимых сущностей» могут быть политические режимы, идеологии, спортивные чиновники, допинг, наркотики и т.п. Так, во время церемонии награждения на Олимпийском стадионе в Мехико 16 октября 1968 года два афроамериканских спортсмена, Томми Смит и Джон Карлос, выигравшие соответственно золотую и бронзовую медали в беге на 200 метров, во время исполнения гимна США, находясь на пьедестале почета, подняли кулаки в черной перчатке и до окончания исполнения гимна не опускали руки. Также стоит отметить, что в забегах на этой Олимпиаде они участвовали исключительно в черных носках. Это был их протест против угнетения афроамериканцев в США, одно из самых откровенных и известных политических заявлений в истории современных Олимпийских игр. Еще один пример: немецкий бегун Отто Пельтцер (1900-1970), обладатель трех мировых рекордов в беге на средние дистанции, победивший на глазах берлинской публики легендарного Пааво Нурми, национальный герой Германии, не скрывал свою гомосексуальность (что для нацистов было равносильным признанию в дегенеративности и наказывалось в соответствии с параграфом 175 УК Германии), открыто критиковал рейхспорткомиссара и публиковал в эмигрантских СМИ статьи против фашистского режима. За это он был лишен немецкого гражданства, приговорен к тюремному заключению, а затем помещен в концлагерь, где пробыл до конца войны, чудом выжив. Сопротивление сквозит и в действиях Хассибы Булмерки – алжирской олимпийской чемпионки 1992 г. в беге на 1500 м, которая подвергалась на родине травле и получала угрозы убийства за то, что не соответствовала стандартам мусульманской женщины, слишком обнажая свое тело на тренировках и соревнованиях, но не прекращала беговые практики, хотя и вне Алжира, оказывая стимулирующее влияние на процессы женской эмансипации в исламских государствах.

К примерам трансгрессии можно отнести первые победы африканцев над европейцами в беге на средние и длинные дистанции. Дело в том, что «в начале 1950-х годов на Западе преобладало мнение, что африканские легкоатлеты, как и афроамериканцы, обладали большой скоростью, но небольшой выносливостью» [33, с. 224], поэтому средний и длинный бег считался уделом европеоидных спортсменов, олицетворением которых были скандинавские и славянские бегуны. Однако олимпийским чемпионом на марафонской дистанции в 1956 г. стал алжирец Ален Мимун, а в 1960 году – эфиоп Абебе Бикила. Еще одним проявлением трансгрессии является известная фотография

обладателя девяти золотых олимпийских медалей, выдающегося спринтера Карла Льюиса, который снялся в рекламе шин Pirelli в образе спортсмена, начинающего бег с низкого старта и обутого в женские туфли на высоких каблуках. Надпись на фото гласит: «Мощность – ничто без контроля». Это ироническая реклама, конечно, существенно расширяет границы представлений о допустимом в контексте брутальной гетеросексуальной мужественности. Также к трансгрессии можно отнести победы пейсмейкеров (на жаргоне легкоатлетов – «зайцев»), задача которых «вести» по дистанции определенного бегуна на нужный результат, а затем сойти или отстать, чтобы дать возможность ведомому успешно выступить. Пейсмейкеры, как правило, зарабатывают этим. Однако известен случай «зайца» из Кении Элайджа Мбого, который должен был помочь выиграть Сингапурский марафон 2007 г. своему соотечественнику Амосу Матуи, но в итоге сам победил в забеге.

Итожа сказанное, отметим, что существует множество точек сопротивления, которые модифицируют и изменяют ход властных отношений, конечно, не выводя субъекта из них полностью. Спортсмены-бегуны неизбежно находятся в сети исторически обусловленных властных отношений, посредством которых они подвергаются нормализации и контролю, но в то же время они вольны конституировать себя как субъектов, действующих на других, на основе использования контровозможностей этих же властных отношений. Этот двоякий процесс, согласно М. Фуко, связывает бегуна с его идентичностью посредством совести или самопознания, т.е. идентичности формируются с помощью постоянного размышления о себе и признания в своих проблемах, что М. Фуко называет самоинтерпретацией, «герменевтикой самости» или «герменевтикой субъекта»[\[33\]](#). Это означает научиться распознавать дискурсы власти, понимать механизм их работы на основе проблематизации, а затем анализировать свои действия в их рамках. Тем самым спортсмен научается видеть себя и как объекта, и как субъекта властных отношений, становится способным отдать себе отчет в том, как занимаясь спортивной деятельностью он постигает свою человеческую сущность и свои идентичности.

Работа спортсменов-бегунов над собой в рамках «технологий самости»

Ослабление доминирования власти открывает перед спортсменом дополнительные возможности самореализации, например в виде конструирования себя как этического субъекта. Это важнейшее измерение бытия спортсмена, поскольку соревновательная деятельность организуется в сфере поведенческих норм и правил, т.е. в этической плоскости. Совершенствуя себя как моральное существо, согласно М. Фуко, атлет должен в первую очередь понять этический кодекс спортивной деятельности (что однозначно запрещено (например, допинг); что из незапрещенного «хорошо» (поделиться водой с соперником на марафонской дистанции) и «плохо» (отказываться от своей очереди возглавлять группу бегунов в длительном забеге); как надо трансформировать себя, чтобы максимально соответствовать этическому кодексу, при этом не превращаясь в его раба, т.е. выбирая из множества способов «вести себя морально» наиболее органичные для себя. М. Фуко выделяет четыре аспекта самотрансформации: этическую субстанцию, способ подчинения, этическую работу и телос [\[31, 35, 36, 37\]](#).

Этическая субстанция – это та часть субъекта, которая должна быть подвержена «работе над собой». Например, бегун может подвергнуть сомнению такую часть своей спортивной идентичности, как индивидуализм или даже эгоизм, что, как он считает, создает ему плохую репутацию и препятствует дальнейшему спортивному развитию. Бег – индивидуальный вид спорта, не развивающий, в отличие от командных видов,

способность сопереживания и навык взаимной поддержки. «Горькая правда состоит в том, что участливость и внимательность к другим – не то, что следует ожидать со стороны тех, кто переживает только за секунды и минуты» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 277].

Способы подчинения – это правила или инструменты («аскеты»), смиряясь с которыми или используя их спортсмен намерен исправить ситуацию, например больше общаться с другими бегунами, участвовать в совместных тренировках, оказывать помочь советами, экипировкой и т.п., эмоционально поддерживать других атлетов на соревнованиях, заниматься благотворительной деятельностью и пр.

Этическая работа – это многократное воспроизведение, развитие и адаптация под конкретные ситуации практик, относящихся к способу подчинения.

Телос – это цель этической работы над собой, которой может быть улучшение своего имиджа, получение большей спонсорской поддержки, максимальное продление спортивной карьеры или желание стать более «качественным» человеком.

Таким образом, в этической работе основное внимание уделяется преобразованию самого себя (а не кодекса поведения) в этического субъекта посредством саморефлексии и аскетических практик, при этом индивид не выходит за пределы этического дискурса, но трансформируется в нем, улучшая свое качество и положение. Важно отметить, что для работы над собой, согласно М. Фуко, прежде всего следует осознать ограничения своей спортивной идентичности, а затем подбирать практики свободы для их преодоления. Эти практики требуют «этической заботы о себе, которая актуализируется в самоэстетизации: индивид, критически осознающий дисциплинарное воздействие доминирующих спортивных дискурсов на свою идентичность, активно решает изменить себя и, формируя более эстетичное «я», продвигает этические практики, использующие власть с минимумом доминирования» [2, с. 153]. В этом случае забота о себе становится и заботой о других: формируя в тренировочном процессе совершенное тело, спортсмен объединяет при использовании «технологий себя» эстетическое и этическое, продвигаясь на пути к идеалу столь любимой М. Фуко античной культуры – калокагатии.

Идейное наследие М. Фуко и некоторые проблемы современного бегового спорта

Исследования М. Фуко позволяют использовать новые инструменты для осмыслиния сущности спортивных практик, детерминированных исторически обусловленным набором дискурсов (эпистемой), представляющих собой арены осуществления анатомо- и биополитики, техник дисциплинирования и нормализации, паноптического контроля и самообъективации. В фуколдианском поле идейного напряжения «власть/знание – спорт – тело» новое освещение получают политические, расовые и гендерные аспекты спортивной деятельности, а также темы, связанные с допингом, эйблизмом, эйджизмом, евгеникой и технологиями «постчеловечества», объединяющими спортивное тело с искусственными объектами.

Далее кратко рассмотрим некоторые актуальные и назревающие проблемы бегового спорта, связанные с отношениями власти, контроля, тела и знания в рамках антропо- и биополитики.

1. Беговая зависимость. Эта проблема чаще всего затрагивает спортсменов-любителей (например, пробегающих марафон быстрее трех часов), чье отношение к спорту называют «полупрофессиональным»: результаты таких бегунов очень далеки от мировых

рекордов, но они относятся к бегу как к «серьезному досугу», уделяя тренировкам гораздо больше сил, внимания и средств, чем необходимо только для поддержания себя в форме. О беговой зависимости говорят тогда, когда такого рода активность становится главным поставщиком эндорфинов, бегун-любитель выходит на тренировки с невылеченными травмами, он ставит личные беговые занятия и связанные с этим потребности (например, финансовые) выше неотложных проблем членов своей семьи. Лишенный возможности тренироваться так, как он считает нужным, бегун сталкивается с симптомами «отмены», включающими раздражительность, агрессивность, тревожность и угнетенность. Как пишет О. Ахмедова, «нет ничего плохого в том, чтобы бегать, но если бег становится целью существования и человек не может думать ни о чем другом и жить ничем другим, то такая зависимость – это биopsихосоциодуховное заболевание» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 56-57].

Как нам представляется, любительский бег – это способ путь кратковременного, во многом иллюзорного, но освобождения от тягот и рутин повседневности, достижения умиротворения, активизации творческого потенциала, вхождения в потоковые состояния сознания. Но в рассматриваемом случае он превращается в свою противоположность, становясь способом «...подчинения модернистскому стремлению к суверенитету и спасению в жизни, которую описывают как по сути недостаточную» [3, с. 225]. Современная беговая индустрия, рассчитанная на массового потребителя, – это часть властного проекта управления людьми как ресурсами и их эксплуатации. Накопление бегунами-любителями «физического капитала» тщательно контролируется официальным признанием и учетом «личных рекордов» (РВ), в соответствии с которыми бегуны ранжируются и получают доступ к престижным забегам. Поддержка безличной, нецентрированной властью, пронизывающей отношения бегунов, постоянного стремления к улучшению РВ – это еще один способ сделать людей послушными и дисциплинированными субъектами, лозунгом которых в стайерском беге является фраза «нет боли – нет результата». Здесь «боль» становится метафорой принесения в жертву дискурсам современности, которые ярко выражаются в спорте, полноты своей жизни, а иногда и счастья близких людей.

2. Усиление контроля за бегунами при помощи технических средств. Сегодня невозможно представить себе бегуна-спортсмена без специализированных гаджетов, которые передают информацию о тренировках и соревнованиях через приложения в компьютеры. Как правило, этими гаджетами являются спортивные часы с функциями (в зависимости от типа и цены) пульсометра, акселерометра, измерение VO₂ max, расчета каденса (частоты шагов), отображения местоположения на основе GPS в режиме реального времени, определения темпа и расстояния бега. А. В. Кыласов совершенно обоснованно полагает, что многие естественные навыки, в том числе беговые, в настоящее время «...должны сочетаться с уверенным пользованием гаджетами навигации и перспективной возможностью удаленного доступа для контроля за действиями со стороны родителей – жены/мужа – компании – государства» [38, с. 283]. Таким образом, бентамовско-фуколдианский паноптикум дополняется новым неусыпным и неподкупным контролером – техническими средствами, которые сопровождают бегуна повсюду и следят за параметрами его тела даже во время сна. Ни в коем случае не отрицая многоаспектной положительной значимости технических средств контроля, тем не менее, укажем на то, что этот вид надзора представляет человека биомеханически – в виде совокупности измеренных числом его телесных параметров, но проблема в том, что числа просты и мертвы, а человек сложен и – особенно в виде бегущего тела – вопиюще жив. Однако дистанционный контроль тренера за бегуном через анализ цифровых

данных и соприсутствующий контроль на стадионе, в манеже или на кроссовой тропинке существенно различаются, поскольку в первом случае у тренера не активизируются зеркальные нейроны, что происходит при непосредственном наблюдении за действиями бегуна и является основой эмпатии. Объективность цифрового контроля редуцирует бегуна до объекта, увеличивая экзистенциальную дистанцию между ним и тренером в ее опосредовании цифровыми технологиями. Видимое глазами и представленное в цифровых значениях тело – это онтологически разные явления. Вот как В. С. Гроссман в «Жизни и судьбе» описывает переживания героя: «Никогда Евгения Николаевна не думала, что человеческая спина может быть так выразительна, пронзительно передавать состояние души. Люди, подходившие к окошечку, как-то по-особому вытягивали шеи, и спины их, с поднятыми плечами, с напружившимися лопатками, казалось, кричали, плакали, всхлипывали» [Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: ООО Издательство «Э», 2017. С. 1179-1180]. Как это представить «в цифре»? И спина бегуна, изможденного длительным забегом в сложных погодных условиях, способна сказать о его состояниях души не меньше. Добавим, что спортсмен, как правило, не информируется о способах интерпретации цифровых данных, что делает его еще более зависимым и подконтрольным, ограничивая возможности оспаривать тренерские решения и предлагать альтернативный взгляд на то, что следует считать наиболее точной оценкой результатов деятельности, порождая чувства недоверия, тревоги, незащищенности и тем самым снижая готовность к сотрудничеству.

3. Евгеника и неоевгеника. В фантастическом романе датского спортсмена, журналиста и писателя Кнуда Лундберга (1920–2002) «Олимпийская надежда: история, произошедшая на Олимпийских Играх 1996 г.» [Lundberg K. The Olympic Hope: a story from the Olympic Games, 1996. S. Paul, 1958], опубликованном на датском языке в 1955 году и на английском языке в 1958 году, описывается, в частности, рождение финалиста олимпийского забега на 800 м Фридриха Хазеньегера. Это событие произошло вследствие реализации евгенического проекта, реализованного вымышленным К. Лундбергом тоталитарным государством, существующим на территории Германии во второй половине XX века, в рамках того, что М. Фуко называл биополитикой. Суть проекта в том, что семенем Хуберта Хазеньегера – лучшего бегуна Германии и двукратного победителя Олимпийских игр, были оплодотворены 1000 наиболее успешных немецких женщин-бегуний на 400 и 800 метров. Родившихся от этой процедуры детей (в том числе и Фридриха Хазеньегера) в восьмимесячном возрасте, после завершения грудного кормления, изымали у матерей, проверяли физические кондиции и соответствующих определенным параметрам мальчиков и девочек раздельно готовили к спортивной карьере в специальных учреждениях и в условиях жесточайшей конкуренции с ежедневными соревнованиями и безжалостной отбраковкой проигравших.

Сегодня, после полной расшифровки генома человека, говорят о неоевгенике, которая позволяет ученым существенно продвинуться в объяснении генотипической обусловленности особенностей организма, наиболее подходящих для того или иного вида спорта, а также осуществлять генетический анализ такой предрасположенности у конкретного человека. Заинтересованное в олимпийских чемпионах государство (корпорация, богатая семья и т.п.) вполне может пойти по стопам придуманной Кнудом Лундбергом неофашистской Германии и развивать практики редактирования генома человека на зародышевой стадии, обеспечивая тем самым «специализированных» детей, например для бегового спорта высших достижений. В случае успеха такого рода антропотехник, обобщенных до биополитики, «естественным» людям, при всем их старании, места на олимпийских соревнованиях не найдется. В этой связи показателен пример Кацлер Семени – бегуны на средние дистанции из ЮАР, которая в 2012 и в 2016

гг. стала олимпийской чемпионкой на дистанции 800 метров. Она не подвергалась редактированию генома, но у нее от природы уровень мужских гормонов в три раза выше, чем у среднестатистической женщины, фактически она гермафронтит. Эта генная мутация обеспечила ее преимущество на женских забегах, что стало поводом для судебных разбирательств в Спортивном арбитражном суде и, поскольку Кастер Семеня не лишена своих олимпийских наград (так как не была доказана ее вина в указанной трансформации), определило одно из направлений генетической работы над созданием тела спортсмена-бегуна.

4. Киборгизация спортсменов. М. Фуко говорил о том, что человек – это порождение дискурса гуманизма, шире – всякий субъект конструируется, принимает идентичности и функционирует в рамках определенных дискурсов. Если верить Ф. Ницше, то религиозный дискурс божества мертв; если верить М. Фуко, то мертв и светский дискурс гуманизма. Оформляющийся дискурс постчеловечества формирует соответствующие тела: во время подготовке этой статьи в СМИ прошла информация о том, что Илон Маск объявил об успешном вживлении в мозг человека нейрочипа, что позволит новоиспеченному киборгу управлять гаджетами буквально усилием мысли. Такого рода модернизации человека, ставящие его в некое промежуточное положение – уже не «чисто» человек, но при этом еще не «машина» – с одной стороны, маргинализируют субъекта, но, с другой стороны, – расширяют его свободу, являются примером фуколдианских «технологий самости», проявляющихся в междискурсной номадичности субъекта. Ярким провозвестником постчеловеческой модификации бегущих тел является спринтер из ЮАР Оскар Писториус. Родившись без малоберцовых костей в обеих ногах, он в 11 месяцев от роду был подвергнут ампутации стоп и в дальнейшем передвигался только на протезах. Являясь многократным чемпионом Паралимпиад в беге на 100, 200 и 400 м и чувствуя в себе намного больший потенциал, чем позволяет реализовать «спорт для инвалидов», он начал соревноваться с «обычными» бегунами и достиг выдающихся результатов, выполнив на протезах квалификационные нормативы для здоровых людей на чемпионат мира (2011 г.) и Олимпийские игры (2012 г.), где вышел в полуфинальную стадию соревнований. 19 июля 2011 г. О. Писториус показал в Линьяно (Италия) время 45.07 на дистанции 400 м; для сравнения – чемпион России в беге на 400 м среди здоровых людей в 2023 году финишировал с результатом 45.41. Фактически О. Писториус представлял из себя киборга в широком значении этого слова, поскольку перемещался на высокотехнологичных сверхлегких углепластиковых протезах стоимостью более 30 000 долларов, при этом добавим – киборга, отчаянно сопротивляющегося биовласти, поскольку спортивные функционеры потратили очень много сил, чтобы сломать его протест против принятой категоризации тел, научно (а у современной власти это основной способ осуществления анатомополитики) обосновать преимущества, которые дают ему в беге протезы, и вернуть его в группу «спортсмены-инвалиды». Случай О. Писториуса заставляет по-новому ставить вопросы о классификации субъектов в зависимости от их телесности, критериях и свободы выбора идентичностей, существовании «обычных» и «модифицированных» тел и границах нашего биологического вида.

5. Допинг как компонент анатомо- и биополитики. Для всех современных государств победы их спортсменов на международных соревнованиях являются важным элементом укрепления имиджа и повышения престижа страны. В этой связи понятно, почему использование допинга становится элементом не только анатомо- (властный контроль над отдельными органами тела или субъектами), но и биополитики (то же в отношении больших социальных групп). Вот как эту ситуацию описывают А. Макарычев и С. Медведев: «Спорт, по-видимому, является одной из тех областей, в которых

анатомополитика и биополитика сливаются для выработки и формирования стратегий и отношений суверенной власти. Спортивная жизнь – это область радикальной анатомополитики, в которой все физические характеристики выступающих человеческих тел абсолютно необходимы для ее реализации: вес, рост, возраст, пол, мышечная выносливость, эмоциональный подъем и так далее. Это отдельные тела спортсменов, которые тренируются, упражняются, соревнуются и выигрывают или проигрывают. В то же время биовласть в области спорта проявляется как производительная сила для создания аффективных сообществ болельщиков, которые празднуют как коллективные биополитические субъекты и чьи эмоциональные инвестиции имеют решающее значение для формирования национальной идентичности» [\[27, с. 4\]](#).

Так, в уже упоминавшемся фантастическом романе Кнуда Лундберга рассказывается история двух участников финального забега на 800 м из СССР Конева и Власова (в романе они безымяны), которые, едва научившись ходить, принимали участие в детских забегах, а затем, победив на всех региональных соревнованиях, отправились с родителями в Москву на чемпионат СССР в беге на восемьдесят метров среди четырехлетних детей. Занявшим призовые места дети изымались из семей (родителям вручался бронзовый крест (именно так в тексте – С.К.), восьмицилиндровый роскошный автомобиль и предоставлялось пожизненное государственное обеспечение с правом посещения соревнований с участием их детей в качестве компенсации). После изъятия из семей Конев и Власов учились и тренировались в специальном спортивном лагере безо всякой связи с внешним миром. В таких тренировочных центрах над детьми ставились эксперименты, в частности некоторым бегунам были ампутированы руки чуть выше локтя, однако данная практика была признана неудачной, так как это нарушило баланс тела и ритм бега. Затем бегунам стали связывать руки и препятствовать их развитию, отчего Конев и Власов имели очень мощные ноги, огромную грудную клетку, но дистрофические передние конечности. Автор романа упоминает о том, что подготовка каждого из них обошлась Советскому Союзу в 15 миллионов датских крон, а за победу на Олимпиаде было обещано звание Героя Советского Союза.

Как видно из этого художественного текста, в тоталитарных обществах допинговые программы инициируются, внедряются и поддерживаются государством, превращая «...тела отдельных спортсменов в медицинские и фармацевтические машины, устранивая их врожденные особенности и, в некоторых случаях, даже их пол (как это произошло с восточногерманской толкательницей ядра Хайди/Андреасом Кригером, которая превратилась из женщины в мужчину благодаря широкому использованию стероидов и гормонов)» [\[27, с. 3\]](#). Таким образом, тело спортсмена становилось государственным ресурсом, который модифицировался и использовался для достижения идеологических и символических целей.

Возвращаясь от фантастики к современным реалиям, отметим, что к наиболее известным примерам использования бегунами допинга относятся случаи дисквалифицированных олимпийских чемпионов Бена Джонсона (США) (бег на 100 м), Марион Джонс (США) (100 м, 200 м, эстафета 4x400 м), Юлии Зариповой (РФ) (3000 м с препятствиями), Аслы Альтекин (Турция) (1500 м), Рашида Рамзи (Бахрейн) (1500 м). В соответствии с идеей М. Фуко о производности всех аспектов социального от доминирующего дискурса (в случае нашей современности – «постчеловеческого») в начале февраля 2024 г. сооснователь PayPal миллиардер Питер Тиль объявил о том, что будет финансировать «Олимпиаду на стероидах» – Enhanced Games. Эти соревнования планируется провести в 2025 году, и все участвующие в них спортсмены могут принимать любые вещества для улучшения результатов. Данное мероприятие, как указывают его организаторы,

нацелено на изучение влияния допинга на расширение границ человеческих возможностей.

6 . Авторитарные тренерские практики. Согласно М. Фуко, тренерские практики относятся к анатомополитике и преследуют цель сделать бегущие тела послушными (дисциплинированными), чтобы через внедрение в них выбранных коучем знаний и трансформаций при помощи упражнений в специально организованной по временным, пространственным и прочим параметрам обстановке обеспечить развитие их максимальной производительности как спортсменов. Следует помнить, что всякая (а не только тренерская) власть всегда расширяет свой охват способами, которые естественным образом способствуют культуре одинаковости и уступчивости, а не уникальности и сопротивления. Однако чем послушнее спортсмен, тем он менее инициативен и более зависим от тренера. Это приводит к тому, что в непредсказуемой (в отличие от заранее спланированной тренировки) соревновательной ситуации бегун теряется, поскольку он не приучен мыслить и действовать самостоятельно. В этой связи актуальной является задача поиска таких тренировочных методов, которые предполагали бы уменьшение ограничений дисциплинарных техник, используемых для подготовки бегунов, чтобы раскрепостить волю спортсмена и сделать его более инициативным. Так, для развития чувства времени спортсмены могут бегать отрезки без использования секундомера, затем сверяя свои ощущения скорости с показаниями таймера тренера. Пространственное расположение может проблематизироваться (и тем самым осваиваться другими способами) изменением мест тренировки и бегового покрытия, бега на нестандартные дистанции или только до достижения определенного самочувствия, а также варьированием очередности начала бега в составе группы. Бегуны, желающие испытать чувство максимального напряжения и понять, как им действовать в этих условиях, должны иметь возможность периодически вводить себя в это состояние выбранными ими способами в силу уникальности личных пределов. Планирование тренировок из-за особенностей восстановления спортсменов также необходимо обсуждать с ними. Можно предположить, что если некоторые беговые упражнения имеют меньший физиологический эффект по сравнению с традиционными дисциплинарными практиками, но углубляют понимание спортсменом специфики своего тела и «психологического я», то эти упражнения имеют в итоге положительную значимость. Главный смысл этих трансформаций тренировочного процесса – уход от доминирования чисто физиологических знаний, ориентированных на трактовку бегуна как биомеханического устройства, и базирующихся на этом дисциплинарных методов, превращающих тренировочный процесс в пространство принуждения и тотального контроля, опасного для физического и психического здоровья спортсмена. В интервью, озаглавленном «Этика заботы о себе как практика свободы», М. Фуко говорит: «Я не вижу, где зло в практике того, кто <...> зная больше другого, говорит ему, что он должен делать, учит его, передает ему знание, сообщает ему методы; проблема, скорее, в том, чтобы узнать, как в этих практиках – где власть не может не играть и где она сама по себе не плоха – избежать эффектов господства <...>. Я полагаю, что необходимо поставить эту проблему в терминах правил права, рациональных техник управления и этоса, практики самости и свободы» [\[32, с. 267\]](#).

Заключение

Многие положения теоретического наследия М. Фуко обладают эвристической значимостью для философии спорта, поскольку предоставляют эффективный инструментарий для анализа социальных и культурных факторов (а также их связей с властью и идеологией), которые влияют на спортивную деятельность и ее акторов.

Очевидно, что спортсмены обретаются в общественном пространстве, составляющими которого являются различные агенты, техники и практики власти, к которым относятся программы развития национального спорта, планы физкультурно-спортивных достижений, спортивные чиновники, тренеры, СМИ, бюджеты, спортивная медицина, этические нормы, соревнования, а главное – бесконечное число отношений (в нашем контексте главное из которых – это взаимодействие тренера и спортсмена), через которые флюиды власти проникают в спортивные тела, иногда жестко, но чаще исподволь подчиняя их своей воле. В современном мире спорт стал сферой институциализированной идеологической обработки, направляющей движущиеся тела к эпистемически (власть/знание) детерминированному образу жизни. В этой связи спортсменам важно понять, что каждый из них не только должен научиться быть «послушным телом», но и иметь возможность и стремление в рамках дискурсивно обусловленной спортивной подготовки быть активным субъектом в формировании самого себя. Это напряжение между устремленности спортсмена к максимальной самореализации, риску, рекорду, спортивному творчеству и прочим феноменам свободы и властностью, дисциплинарностью, иерархичностью среды, где эти устремления могут эффективно осуществляться и быть признанными, заставляет все чаще обращаться к философским концепциям, которые проблематизировали такого рода ситуации, в частности к идеям Мишеля Фуко.

Библиография

1. Руднев Ю. В. Два тела Фуко (очерк современного состояния Foucault Studies) // Полития. 2015. № 4 (79). С. 48-68.
2. Markula P., Pringle R. Foucault, Sport and Exercise: Power, Knowledge and Transforming the Self. London: Routledge, 2006. doi: 10.4324/9780203006504
3. Pronger B. Body Fascism: Salvation in the Technology of Physical Fitness. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
4. Andrews D. L. Desperately Seeking Michel: Foucault's Genealogy, the Body, and Critical Sport Sociology // Sociology of Sport Journal. 1993. № 10. Pp. 148-167.
5. Hargreaves J. The Body, Sport and Power Relations // The Sociological Review. 1985. № 33. Pp. 139-159. doi:10.1111/j.1467-954x.1985.tb03304.x
6. Harvey J., Rail G. Body at Work: Michel Foucault and the Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. 1995. № 12. Pp. 164-179. doi:10.1123/ssj.12.2.164
7. Markula P. Contextualizing the Material, Moving Body // Newman J. I., Holly T., David A. (eds.) & 22 more. Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2020. Pp. 47-68.
8. Pringle R. Masculinities, Sport, and Power: A Critical Comparison of Gramscian and Foucauldian Inspired Theoretical Tools // Journal of Sport & Social Issues. 2005. Volume 29. № 3. Pp. 256-278. doi: 10.1177/0193723505276228
9. Denison J., Mills J. P. Planning for distance running: coaching with Foucault // Sports Coaching Review. 2005. № 3:1. Pp. 1-16. doi: 10.1080/21640629.2014.953005
10. Denison J., Pringle R., Cassidy T., Hessian P. Informing Coaches' Practices: Toward an Application of Foucault's Ethics // International Sport Coaching Journal. 2015. № 2. Pp. 72-76. doi: 10.1123/iscj.2014-0147
11. Luke J., Denison J. Jogging Not Running: A Narrative Approach to Exploring «Exercise as Leisure» after a Life in Elite Football // Leisure Studies. 2019. № 38.6. Pp. 831-844. doi: 10.1080/02614367.2019.1662831
12. Konoval T., Denison J., Mills J. The cyclical relationship between physiology and discipline: one endurance running coach's experiences problematizing disciplinary practices // Sports Coaching Review. 2018. № 8. Pp. 1-25. doi: 10.1080/21640629.2018.1487632

13. Mills J., Denison J. Coach Foucault: problematizing endurance running coaches' practices // *Sports Coaching Review*. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 136-150. doi: 10.1080/21640629.2014.913871
14. Pringle R. Social Theory for Coaches: A Foucauldian Reading of One Athlete's Poor Performance A Commentary // *International Journal of Sports Science & Coaching*. 2007. Volume 2. № 4. Pp. 385-393. doi: 10.1260/174795407783359641
15. Jones L., Avner Z., Denison J. «After the Dust Settles»: Foucauldian Narratives of Retired Athletes' «Re-orientation» to Exercise // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2022. № 4. Pp. 1-11. doi: 10.3389/fspor.2022.901308
16. Bridel W., Rail G. Sport, Sexuality, and the Production of (Resistant) Bodies: De-/Re-Constructing the Meanings of Gay Male Marathon Corporeality // *Sociology of Sport Journal*. 2007. № 24. Pp. 127-144. doi: 10.1123/ssj.24.2.127
17. Johns D., Johns J. Surveillance, subjectivism and technologies of power: An analysis of the discursive practice of high-performance sport // *International Review for The Sociology of Sport*. 2000. № 35/2. Pp. 219-234. doi: 10.1177/101269000035002006
18. Manley A., Williams S. «We're not run on Numbers, We're People, We're Emotional People»: Exploring the experiences and lived consequences of emerging technologies, organizational surveillance and control among elite professionals // *Organization*. 2019. № 29. Pp. 1-22. doi: 10.1177/1350508419890078
19. Белозёров В. И. Социология спорта во Франции и в Германии // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 3 (169). С. 45-50.
20. Богданова М. А. Рождение новой телесности в практиках спортивного движения // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 1. С. 64-69.
21. Куракин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа // *Социологическое обозрение*. 2011. № 1-2. С. 56-74.
22. Быховская И. М. Физическая культура как культура тела: антропологический контрапункт природного и социального // *Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки*. 2020. № 4 (40). С. 92-109.
23. Воронин А. А. Антропологические основы спорта: к постановке вопроса // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 4. С. 96-107.
24. Старостина Д. А. Социология тела как самостоятельное исследовательское направление: предпосылки становления и предметное поле // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023. № 3. С. 485-502. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-485-502
25. Попова О. В. Спорт в мире технологий: этос и биополитика // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 3. С. 102-111.
26. Шемякина Е. В. Философский анализ понятия «дисциплина тела» // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2014. № 169. С. 34-38.
27. Makarychev A., Medvedev S. Doped and disclosed // *Politics and the Life Sciences*. 2019. № 38. Pp. 1-12. doi: 10.1017/pls.2019.11
28. Sport, Physical Culture and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies / Ed. by Newman J. I., Thorpe H., Andrews D. L. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2020.
29. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
30. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
31. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., пер. с фр., comment. и послесл. С. Табачниковой. М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996.
32. Фуко М. Интеллектуалы и власть/ Пер. с фр. С. Ч. Офертаса. М.: Практис, Ч. 3. 2006.

33. Bale J. *Running cultures: racing in time and space*. London: Routledge, 2003.
34. Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс, 1981-1982 гг.) // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 284- 311.
35. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. Киев: Дух и литература; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
36. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / Пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004.
37. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2 (65). С. 135-158.
38. Кыласов А. В. Этноспорт. Руководство пользователя: трактат. М.: Спорт, 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляет собой обширное, обстоятельное и весьма квалифицированное исследование, в котором обсуждается современное понимание спорта и его положения в обществе с учётом теоретического наследия М. Фуко. Достоинства статьи как научного исследования, выполненного в такой интересной области современного философского знания, как философия спорта, очевидны, и читатель сам сможет оценить их. Важнее, думается, указать на недостатки, которые вполне могут быть устранены до публикации, которой статья, несомненно, заслуживает. У статьи удачное, соответствующее предмету и в то же время «интригующее» читателя, название, но в явном противоречии с ним оказывается неудачное начало изложения. В самом деле, в первом абзаце вслед за констатацией значимости теоретического наследия М. Фуко для современной философии спорта следует обширная цитата, в которой утверждается важность внимания ... к рецепции работ Фуко в англоязычной литературе. Зачем приведена здесь эта оценка, чтобы оправдать следующий за ней «обзор литературы»? Напротив, наличие подобного обзора должно ещё быть оправдано тем, насколько конструктивно он используется исследователем для получения интересного, нетривиального результата! Присмотримся, однако, и к самой цитате. Автор этого высказывания обращает внимание на то, что англоязычная рецепция работ Фуко «формирует сейчас академический канон, задает идеологические, методологические, тематические образцы...», и т.д. И мы непременно должны следовать этому «канону», перенимать «образцы», и т.п.? Чем обусловлена подобная безапелляционность? А затем следует избыточно подробный (поскольку он не используется конкретно в представленном исследовании) обзор зарубежной литературы и менее обширный обзор отечественных публикаций, который, по мнению рецензента, можно сократить без ущерба для концептуального содержания статьи. (Отметим, что её объём составляет 1,4 а.л., что значительно превышает привычный объём журнальной статьи.) Несмотря на видимость основательности, которую создаёт перечисление публикаций, приходится констатировать, что вступительная часть не выполняет функции введения (не будем их здесь воспроизводить). (Как ни странно, в большей степени роль введения мог бы выполнить тот фрагмент, который автор выносит в заключение.) Очевидно, автору необходимо вернуться к введению и подготовить вместо не вполне релевантного содержанию обзора литературы более краткий концептуально насыщенный текст. Далее, хотелось бы порекомендовать автору сократить перечисления спортсменов, их достижений и т.п. материал, который непривычно будет смотреться именно в философском журнале; философия спорта может быть интересна широкому кругу

читателей (и большая часть статьи соответствует этой установке), но упомянутая детализация упоминаемых фактов вряд ли целесообразна. Наконец, непонятно, почему некоторые ссылки даются в самом тексте ([Ахмедова О. ...], [Гроссман В.С. ...], и т.п.), и зачем автор допускает неприемлемое для стилистики научного текста «итожа сказанное» и другие подобного рода выражения, эти ошибки должны быть устранины. Подводя итоги, следует констатировать, что статья может быть рекомендована к печати с учётом необходимости в рабочем порядке исправить до публикации отмеченные недостатки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «"Бегущие тела" под линзой Мишеля Фуко» выступают беговые практики и возможность их осмыслиения в терминологии властных отношений, подложенной Мишелем Фуко. Автор статьи совершенно справедливо замечает, что как сам бег, так и спортсмен-бегун могут быть осмыслены не только в рамках спортивного дискурса, но и философии, поскольку являются элементами социальных отношений. В этой статье демонстрируется возможность описания социальных практик, связанных с бегом с позиции властных отношений, с опорой на философию французского мыслителя М. Фуко как на автора «дискурса о власти».

Методология исследования, выстроенная автором, заключается в распространении принципов интерпретирования власти на отношения в спорте, в частности в беге. Автор устанавливает параллели между практиками власти и отношения тренер-спортсмен, рассматривает возможности сопротивления власти в спорте. Подкрепляя свои посылки конкретными примерами из истории развития бега, как олимпийского спорта.

Актуальность исследования связана как с тем, что в поле зрения современной философии все чаще оказываются различные элементы социальной жизни – болезнь, различные формы досуга, спорт и др., их философское осмыслиение на должном уровне задача современных авторов. Анализируя ситуацию, сложившуюся в современном спортивном беге в России, автор констатирует наше фатальное отставание в этом виде спорта от мировых показателей, и связывает его с нежеланием юных спортсменов согласится с позицией "бегущего тела", т.е. полного подчинения тренеру, которого интересуют только достижения в спорте, что ведет к нивелированию личности спортсмена. Автор полагает, что философское осмыслиение этой проблемы, способно изменить ситуацию.

Кроме этого, в статье справедливо отмечается, что идеи Фуко, сегодня оказывают влияние на формирование нового академического канона, задают идеологические, методологические, тематические образцы для исследователей различных аспектов современной реальности. Их применение в области философии спорта способно расширить как горизонты "сортировочного" дискурса, так и социально-философского.

Научная новизна заключается в описании беговых практик с позиции властных отношений.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Наибольший интерес для читателей, не искушенных в исследованиях спортивного и любительского бега, представляет вторая половина работы. Интересны примеры, которыми автор

илюстрирует процесс «противостояния власти», демонстрируемый спортсменами-бегунами в виде сопротивления и трансгрессии. В части «Идейное наследие М. Фуко и некоторые проблемы современного бегового спорта», выделяются такие тенденции как: возникновение беговой зависимости, усиление контроля за бегунами при помощи технических средств, что объективирует спортсменов, использование евгеники и неоевгеники, возможность киборгизации спортсменов, использование допинга и авторитарных тренерских практик. По мнению автора, разбирающего эти тенденции, они очевидно перекликаются с процессами функционирования власти в социуме. Специалистам в области философии спорта, напротив, более интересной покажется первая часть статьи, где автор рассматривает личностные и социальные аспекты бега, и связанные с этим проблемы.

Библиография статьи включает 38 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов (в основной своей массе, не переведенных на русский язык), посвященных философии спорта, экзистенциальных аспектов беговых практик, философии М.Фуко.

Апелляция к оппонентам является одной из сильных сторон работы. В первой части статьи автор предлагает читателю подробный анализ исследований, посвященных изучаемой проблеме. Автор отмечает наиболее репрезентативные исследования, посвященные философскому анализу различных видов бега, как экзистенциальных и социальных актов, аспектам изучения как самого бега, так и спортсменов и любителей бега. К таким работам автор относит фундаментальный труды труды П. Маркулы и Р. Прингла, Б. Пронгера, Д. Эндрюса, работы Д. Харгривза, Д. Харви и Ж. Рейл. Автор подчеркивает особую значимость для своего исследования статей, посвященных изучению тренировочно-соревновательных беговых практик сквозь призму взглядов М. Фуко, это статьи Д. Денисона, Д. Миллса, Т. Коновала, Р. Прингла, Т. Кэссиди, П. Хессиана, Л. Джонса, З. Авнер, Д. Денисона, У. Бридела, Ж. Рейл, Д. Джонса, Э. Мэнли и Ш. Уильямса. В статье подчеркивается, что все эти публикации ранее не были представлены на русском языке и автор знакомит с их общими идеями русскоязычного читателя. Автор знаком и с отечественными исследователями творчества Фуко, обращаями внимание на сопряженность политической и спортивной сферы самореализации человека, это: В.И. Белозёрова, М. А. Богданова, Д. Куракин, И. М. Быховская, А. А. Воронин, Д.А. Старостина, О. В. Попова, Е. В. Шемякина, А. Макарычев, С. Медведев.

Статья будет интересна как специалистам в области философии спорта, так и широкому читателю, благодаря яркому и образному языку, понятным примерам и актуальности, поставленных вопросов.

Англоязычные метаданные

Modern Utopia: Yuval Noah Harari

Kornienko Natalia Vladimirovna

Senior Teacher at Saint Petersburg State University, Higher School of Journalism and Mass Communications

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7/9

 nvkornienko07@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state of utopia, in particular, attention is paid to the problem of the crisis of utopian thought that arose at the end of the twentieth century and continues to the present. The author examines the features of philosophical criticism of modernity by the ideologist of the future and futurist Yuval Noah Harari. The purpose of this study is to find out whether Yuval Noah Harari is a utopian of our time, and the model of the near future proposed by Y. Harari, which represents a natural reaction of society to the global value and ideological crisis, is a modern utopia by signs. In the course of researching issues related to the crisis of utopian thought of our time, the author proceeds from the postulate that utopia is a special type of predictive reflection, a worldview built in orientation towards the probable future. The research is based on the concept of K. Manheim, according to which utopia is an attitude of consciousness oriented towards the future, as well as from the definition of utopia as an idealized social construct, fundamentally unrealizable as a whole. The scientific novelty of this study is as follows: the main concepts of understanding modern utopia are identified, the specifics of describing the realities of modernity are substantiated, characteristics relevant to the worldview of the XXI century are identified, proceeding from the categories of philosophizing of a new kind, the features of Yuval Noah Harari's criticism of the utopia of a new formation are revealed. The result of the study shows that Yuval Noah Harari is a modern utopian, and his project is considered an escapist-type utopia of modernity, based on social stratification. This utopia is escapist, because for one part of humanity it is unrealizable and is only a means of escape from reality, while for another part of it it can serve as a full-fledged project of the future, claiming to be realized. It also has such an ontological property as temporality, since it corresponds to the realities of its time in terms of content.

Keywords: predictive thinking, worldview, escapism, intersubjective reality, temporality, humanism, techno-humanism, future, utopianism, utopia

References (transliterated)

1. Filosofiya: entsiklopedicheskii slovar' / pod red. A. A. Ivina. M.: Gardariki, 2006.
2. Markuze G. Konets utopii. Per. s angl. Smirnova A. Herbert Marcuse, Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia. Boston: Beacon Press. 1970. pp. 62-69. [Elektronnyi resurs]. URL: https://scepsis.net/library/id_2671.html (data obrashcheniya: 03.03.2024).
3. Totomiants V.F., Ustinov V.M. «Utopii»: sotsial'nyi rai na zemle. M.: Biblioteka "Revolyutsiya i kul'tura", 1917.
4. Klees G. Utopiya i utopizm: istoriya osmysleniya ponyatii // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanii. 2018. №3. S. 148-

160.

5. Sokolova R.I. Reabilitatsiya utopii kak simptom krizisa rossiiskoi i zapadnoi tsivilizatsii. Filosofskie nauki. 2019. №62(5). S. 7-26. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26> (data obrashcheniya: 03.03.2024).
6. Kumar K. The Ends of Utopia. New Literary History. 2010.vol. 41, No. 3. Pp. 549-569. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.jstor.org/stable/40983884>. (data obrashcheniya: 04.04.2024).
7. Dzheimison F. Politika utopii. // Khudozhestvennyi zhurnal, 2011, № 84. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/13/article/173> (data obrashcheniya: 04.04.2024).
8. Feldman I., Ticktin M. eds. In the Name of Humanity: The Government of Threat and Care. Durham, NC: Duke University Press, 2010.
9. Levitas R. Utopia as method: The imaginary reconstitution of society. London: Palgrave. 2013. 268 p. Rp. 153-154.
10. Mankheim K. Ideologiya i utopiya / K. Mankheim – Tekst: neposredstvennyi // Mankheim K. Diagnoz nashego vremeni: [Sbornik: Per. s nem. i angl.]. M.: Yurist, 1994.
11. Mankheim K. Izbrannoe: Diagnoz nashego vremeni / Karl Mankheim; [per. s nem. i angl.] – M.: Izd-vo «RAO Govoryashchaya kniga». 2010.
12. Van Niekerk A.A. Building the future in the 21st century: In conversation with Yuval Noah Harari. HTS Teologiese Studies/ Theological Studies. 2020. No. 76(1), a6058. URL: <https://doi.org/10.4102/hts.v76i1.6058>.
13. Nye D. Harari's World History: Evolution toward Intelligence without Consciousness? Technology and Culture. 2021. No. 62. Pp. 1219-1228. DOI: 10.1353/tech.2021.0160.
14. Zangwill N. Yuval Harari on Human Rights and Biology. Think. 2024. No. 3. Pp. 59-63. URL: <https://doi.org/10.1017/S1477175623000507>
15. Kharari Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. M.: Sindbad, 2020.
16. General Multilingual Environmental Thesaurus (Zagolovok s ekranom). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.eionet.europa.eu/gemet/en/concept/450> (data obrashcheniya: 10.04.2024).
17. The song of our ancestors has weakened: the king of the Maori wants to give rights to whales (Zagolovok s ekranom). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.paudal.com/2024/03/28/the-song-of-our-ancestors-has-weakened-the-king-of-the-maori-wants-to-give-rights-to-whales/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
18. Kurzweil R., Grossman T., M.D., Fantastic Voyage: Live Long Enough to Live Forever. New York, Penguin, 2005.
19. Kornienko N. V. Ontologicheskie svoistva utopii / N. V. Kornienko // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 5(109). S. 146-152. DOI: 10.24158/fik.2023.5.21.
20. Mamford L. Mif mashiny / Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezh. lit / Sost. i obshch. red. V.A. Chalikovoi. M.: Progress, 1991.

Non-subjective artificial intelligence in the system of subject-object relations

Doctor of Technical Science

Leading researcher; Scientific and production complex 'Technological Center'

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1, building 7

 andarmo@yandex.ru

Abstract. Expansion of functional capabilities of artificial intelligence systems actualizes the question of the possibility of their autonomous activity aimed at cognition and creation of the world. A significant factor determining the properties of artificial intelligence is its subjectiveness. If the world is deterministic, its subjectiveness is not necessary to ensure the functionality of artificial intelligence. Subjectiveness, however, is necessary for the initialization of cognitive or creative activity. A reasonable question arises regarding the ability of non-subjective artificial intelligence to act as a subject of cognition. Studies show that two main forms of participation of non-subject artificial intelligence in the system of subject-object relations are possible: as part of an integrated subject of cognition, in which a human being-operator plays the leading role, or fully autonomous functioning of artificial intelligence initialized (formalized or non-formalized) by the tasks of satisfying human being's needs. The analysis of the properties of cognition by means of artificial intelligence and other cognitive systems shows that the ability to act as a subject of cognition is formed not at the formation of subjectness, but at a lower level - the level of formation of self-consciousness, available to relatively uncomplicated cognitive systems, both natural and artificial. The conclusion about the direct connection between self-consciousness and the ability to cognize follows from the definition of cognition in the logic of subject-object opposition, corresponding to the epistemological interpretation of subject-object relations. However, an alternative ontological interpretation is also possible, which identifies being and consciousness. Such an idealistic understanding of the world corresponds to the philosophy of irrationalism, in the framework of which a reliable answer to the question of the necessity of subjectiveness for solving intellectual problems cannot be obtained.

Keywords: gnoseology, self-consciousness, consciousness, subject-object relations, subjectness, cognitive system, artificial intelligence, ontological interpretation, cognition, non-subject

References (transliterated)

1. Prutskov A.V. Sovremennye problemy sistem iskusstvennogo intellekta // Cloud of Science. 2020. T. 7. №4. S. 897-904.
2. Girenok F.I. Samost'. Entsiklopediya fonda znanii "Lomonosov". 03.12.2010. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127733>
3. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Obshchaya teoriya sistem i kreativnyi iskusstvennyi intellekt // Filosofiya i kul'tura. 2023. №11. S. 32-44.
4. Gribkov A.A. Predel delimosti materii: dokazatel'stva sushchestvovaniya i svoistva // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. №3. S. 32-38.
5. Gribkov A.A. Prosteishie material'nye struktury – sledstviya pervichnykh svoistv bytiya // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. №6. S. 23-29.
6. Dekomb V. Dopolnenie k sub"ektu: issledovanie fenomena deistviya ot sobstvennogo litsa. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011. 576 s.
7. Kudryavtseva I.A. Klassifikatsiya paradigm programmirovaniya v kontekste teoretycheskogo programmirovaniya // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2015. №173.

- S. 78-88.
8. Gribkov A.A. Chelovek v tsivilizatsii kognitivnykh tekhnologii // Filosofiya i kul'tura. 2024. №1. S. 22-33.
 9. Tolpykin V.E. Poznanie kak spetsificheskii vid dukhovnoi i prakticheskii-preobrazuyushchei deyatel'nosti cheloveka // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2011. №3-4. S. 20-24.
 10. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Opredelenie soznaniya, samosoznaniya i sub"ektnosti v ramkakh informatsionnoi kontseptsii // Filosofiya i kul'tura. 2023. №12. S. 1-14.
 11. Tsvetkov V.Ya. Informatsionnaya sinergetika // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii. 2021. №2 (35). S. 72-78.
 12. Kos'kov S.N. Sub"ekt poznayushchii i sub"ekt volyashchii // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2009. №4. S. 32-36.
 13. Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. 1072 s.
 14. Lebedev S.A. Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnye kontseptsii // Filosofskie nauki, 2013, №4. S. 69-83.
 15. Dekart R. Sochineniya v 2 t., t. 2. M.: Mysl', 1989. 654 s.
 16. Knigin A.N. Teoriya poznaniya: Uchebnoe posobie. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 248 s.
 17. Gusserl' E. Kartezianskie razmyshleniya. SPb.: Nauka: Yuventa, 1998. 315 s.
 18. Naidysh V.M., Naidysh O.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya marksistskoi gnoseologii: istoki, problemy, perspektivy // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. 2018. Tom 22. №4. S. 421-433.
 19. Hegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: V 3 t. T. 3. M.: «Mysl'», 1977. 471 s.
 20. Khaidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. 447 s.

The Problem of the Universal in Epistemology

Morkina Yulia Sergeevna

PhD in Philosophy

Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12, building 1., office 420

 morkina21@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the concept of the universal in the epistemological aspect. It is shown that any knowledge is based on an absolute background – "implicit ignorance" – defined as an a priori form of cognition common to all people of all cultures and peoples. By virtue of its generality for all people in all situations the absolute background is undetectable and untransferable into explicit knowledge. At the same time the background knowledge of a particular culture with the historical change of cultures begins to be reflected transferred into explicit knowledge including philosophical. Both individual human beings and entire cultures have implicit (tacit) knowledge. Implicit (tacit) knowledge is part of the structure of everyday life, the life world. However along with implicit knowledge there is also a cognitive background in the structure of everyday life – something that is so close and familiar that it is not apparent.

The cognitive background cannot be called knowledge due to its fundamental non-reflexivity and taken-for-granted nature. At different times the cognitive background varies for different cultures. The article suggests that there is also an "absolute background" – something that is

so common to all people of all cultures and all peoples that it is not possible to identify, problematize, compare with a different state of affairs. The concepts of everyday life, the life world (E. Husserl), the mesocosmos (G. Vollmer) are considered. The importance of the linguistic turn in philosophy for the awareness of philosophical problems related to everyday life and background knowledge of cultures is emphasized. The concept of "absolute background" has methodological significance for epistemology. It is shown how this concept allows answering questions about whether something is universal.

Keywords: culture, mesocosmos, life world, everyday life, implicit (tacit) knowledge, background knowledge, universal, anthropic principle, human dimension, a priori forms of cognition

References (transliterated)

1. Filipenok S.A. Lichnostnoe znanie i tvorchestvo // Filosofiya tvorchestva: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 8–9 aprelya 2015 g., Institut filosofii RAN, g. Moskva / Pod red. N.M. Smirnovoi, A.Yu. Alekseeva. M.: IInTeLL, 2015. S. 300–306.
2. Polani M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii. Chast' 4: Poznanie i bytie. 11. Logika dostizhenii (1–4) (per. s angl. S.A. Filipenok) // Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vyp. 4, 2018. Liki tvorchestva v kontekste sotsiokul'turnykh praktik / Red.: N.M. Smirnova, I.A. Beskova. M.: IInTeLL, 2018. S. 402–416.
3. Lowney Ch. Ineffable, Tacit, Explicable and Explicit: Qualifying Knowledge in the Age of "Intelligent" Machines // Tradition & Discovery. 2011–2012. Vol. 38. No 1. P. 18–37.
4. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 608 s.
5. Kozlova H.H. Povsednevnost' // Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tsit. po: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a8d87bb13ae8cfee67> (data obrashcheniya 17.07.2023 g.)
6. Rumyantseva T.G. Zhiznennyi mir // Tsit. po: https://clbc.ru/articles/zhiznennyj_mir (data obrashcheniya 17.07.2023 g.)
7. Smirnova N.M. Zhiznennyi mir // Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tsit. po: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ee020d20026178128fb7> (data obrashcheniya 17.07.2023 g.)
8. Foll'mer G. Evolyutsiya i proektsiya. Nachala sovremennoi teorii poznaniya: per. E.N. Knyazevoi // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. S. 205–224.
9. Foll'mer G. Po raznye storony mezokosma: per. E.N. Knyazevoi // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. S. 225–236.
10. Foll'mer G. Evolyutsionnaya teoriya poznaniya. K prirode chelovecheskogo poznaniya: per. E.N. Knyazevoi // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. S. 189–204.
11. Vasil'ev V.A. Lingvisticheskii poverot v filosofii // Filosofskie nauki. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 1 (768). S. 172–181.
12. Gutner G.B. Lingvisticheskii poverot // Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. M.: Kanon+. S. 421.
13. Kuslii P.S. Filosofiya s tochki zreniya U.V.O. Kuaina (Retsenziya na knigu U. Kuaina «S tochki zreniya logiki») // Istoryya filosofii. 2005. №12. S. 236–242.

14. Kant I. Kritika chistogo razuma. Simferopol': «Renome», 2003. 464 s.
15. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transsental'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka. Mn.: Kharvest, M.: AST, 2000. 752 s.
16. Kasavin I.T., Shchavelev S.P. Analiz povsednevnosti. M.: Kanon+, 2004. 432 s.
17. Polani M. Lichnostnoe znanie. M.: Progress, 1985. 344 s.
18. Polani M. Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii Chast' 4. Poznanie i bytie 11. Logika dostizhenii (5-7) (per. s angl., predislovie, zaklyuchenie S.A. Filipenok) // Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vyp. 6, 2020: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov / Red.: N.M. Smirnova, I.A. Beskova. M.: Golos, 2020. S. 282-311.
19. Smirnova N.M. Smysl i tvorchestvo. M.: Kanon+, 2017. 304 s.
20. Shyuts A. Izbrannoe: mir, svetyashchiisa smyslom / Sostavlenie, filos. perevod, obshchee i nauchnoe redakirovanie, posleslovie N.M. Smirnovoi. M.: Rossppen, 2004. 1056 s.
21. Akhmanova O.S., Gyubbenet I.V. «Vertikal'nyi kontekst» kak filologicheskaya problema // Voprosy yazykoznaniya. 1977. № 3. S. 47-54.

Philosophical dimension of ancient measure and Scandinavian lagom.

[Lyubokhonskaya Oksana Valer'evna](#) □

PhD in Philosophy

Educator; Department of Philosophical-Historical Disciplines, Economics and Law; Saint Petersburg Academy Of Urban Environmental Management, Urban Planning And Printing

195273, Russia, g. Saint Petersburg, ul. Rustaveli, 33

✉ gl.oksana2018@yandex.ru

Abstract. The article examines the question of the relationship between two concepts: the ancient Greek measure and the Scandinavian lagom. The author, on the one hand, turns to the heritage of ancient Greek philosophy and tries to reconstruct the main semantic characteristics of the ancient measure, and on the other hand, to the historical context of the emergence of the concept of lagom and its meaning. The disclosure of the semantic context of these concepts occurs through aspects: onto-cosmological, existential-anthropological. The author, in a philosophical and cultural manner, pays special attention to identifying the similarities and differences in the semantic content of these terms. The author also seeks to understand where the concept of lagom, as used in everyday life, can be consistent with and fit harmoniously into the philosophical context of "self-care". This allows us to clarify the relationship between the concepts of measure and lagoma, their boundaries and specifics. The author comes to the conclusion regarding the Scandinavian lagom that although this concept carries the original conceptual load of measure as the limit of being, there is practically no philosophical development of its semantic content, that is, this concept remains in the context of myth. The existential-anthropological criterion shows that the concept of lagom can and should be used in philosophy, especially when it comes to the philosophy of everyday life, minimalism and eudaimonism. The philosophical content of the concept of lagom and its consideration as a meta-term leads the author to the conclusion that it can and should be used in philosophy, especially when it comes to the philosophy of everyday life, the philosophy of minimalism and eudaimonism. It is obvious that lagom is an independently

developing term denoting a special style of everyday lifestyle, caring for oneself and the world.

Keywords: Scandinavian, antiquity, aesthetics, anthropology, cosmology, ontology, being, lagom, measure, myth

References (transliterated)

1. Aristotel'. Metafizika // Sobranie soch.: V 4 t. M.: Nauka. 1976. T. 1. S. 63-368.
2. Asoyan Yu.A. "Chelovek kak mera" i "zabota o sebe" v interpretatsiyakh M. Khaideggera i V. Bibikhina // Vestnik PSTGU . Seriya IV. Pedagogika. Psichologiya. Vyp. 57, 2020. S. 153-164.
3. Bergren S. Lagom: ne mnogo, ne malo. Shvedskaya filosofiya zolotoi serediny. Minsk: Poppuri. 2019. 320 s.
4. Bibikhin V.V. poisk svoego v "Alkiviade" Platona // Logos. №4 (83), 2011. S. 63-88.
5. Birkett T. Skandinavskie mify i legendy. Starshaya Edda. Proritsanie vel'vy, 2. M.: KoLibri. 2021. 320 s.
6. Brons A. Lagom. Nichego lishnego. Kak izbavit'sya ot vsego, chto meshaet byt' schastlivym. M.: Izdatel'stvo "E". 2018. 224 s.
7. Volkova N.P. «Mera vsekh veshchei» Protagora kak kriterii istiny. // ΣΧΟΛΗ. Vol. 13.2.2019. S. 696-704.
8. Gudimova S.A. Antichnovt': chelovek, mif, kosmos // Vestnik kul'turologii. №2, 2018. S. 149-162.
9. Karlson E. Lagom. Shvedskie sekrety schastlivoi zhizni. M.: Eksmo. 2021. 208 s.
10. Kulik A.V. Predstavlenie Platona o khaose // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. № 26(65). 2013. S. 119-126.
11. Losev A.F. Istorya antichnoi estetiki (rannaya klassika). M.: Vysshaya shkola. 1963. 583 s.
12. Platon. Timei // Platon. Sobranie soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2. S. 495-588.
13. Platon. Lakhnet // Platon. Sobranie soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1990. T. 1. S. 268-294.
14. Platon. Gosudarstvo. Kn.1 // Platon. Sobranie soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1994, T. 3. S. 97-494.
15. Platon. Teetet // Platon. Sobranie soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2. S. 192-274.
16. Platon. Fedr // Platon. Sobranie soch.: V 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2. S. 135-191.
17. Proritsanie providitsy. Voluspa / Per. S. Sviridenko. URL: <https://norroen/info/src/edda/voluspa/rut.html> (data obrashcheniya 25.11.2023)
18. Proritsanie providitsy. Voluspa / Per. M.M. Stasyulevicha, 1864 // Izvlechenie iz Staroi Eddy XII st. Volu-Spa 3. URL: <https://norroen/info/stc/voluspa/ru3> (data obrashcheniya 26.11.2023).
19. Proritsanie providitsy. Voluspa / Per. V.G. Tikhomirova. URL: <https://norren/info/scr/edda/voluspa/rut/html> (data obrashcheniya 25.11.2023)
20. Sekst Empirik. Sobranie soch. V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1975. 400 s.
21. Teplinskaya V.S. Filosofskii Lagom i dizain sredy // VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovanii. 2021. S. 233-236.
22. Fuko M. Germenevtika sub"ekta. Kurs lektsii, prochitannyi v Kollezh de Frans v 1981-1982 godu. SPbyu: Nauka. 677 s.

23. Khaidegger M. Vremya i bytie. M.: Respublika. 1993. 446 s.
24. Ekstrem L. Lagom. Sekret shvedskogo blagopoluchiya. M.: KoLibri, Azbuka Attikus. 2021. 204 s.

"Running bodies" under the lens of Michel Foucault

Kannykin Stanislav Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate professor of the Department of Humanities at Stary Oskol Technological Institute named after A Ugarov, branch of National University of Science and Technology "MSIS"

309516, Russia, Belgorod Region, Stary Oskol, micro district Makarenko, 42

 stvk2007@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the "social body" of a runner athlete by means of anatomical and biopolitics, the concepts of which were developed by M. Foucault. The author solves such tasks as explication of the types and features of disciplinary practices used in the training of athletes specializing in running sports; analysis of the manifestations of resistance and transgression of runners; research of ethical self-transformation of athletes within the framework of Fucoldian "technologies of self"; identification of some urgent and emerging problems of running sports related to the relationship of power, control, body and knowledge. The paper also attempts to give applied importance to the Fucoldian interpretations of power relations in the interaction of "coach – athlete" in order to problematize anatomical and political power and disciplinary practices used within its framework, which is important for the development of subjectivity and expanding the possibilities of realizing the potential of both an athlete and a coach. The research methodology is based on a conceptual analysis of M. Foucault's theoretical legacy and the reception of the French philosopher's ideas by Russian and Western scientists. The author identifies the main discourses that have the greatest impact on the training of athletes-runners (documents expressing state policy in the field of sports; texts of academic science; sports periodicals; popular science texts, as well as films, fiction, legends, etc.); analyzes the "disciplinary tools" of the sports training process (training plans exercises, specific organization of time and space, "hierarchical observation", "normalizing judgments", "recognition", "exam"); types of resistance and transgression of runners are revealed; the mechanism of work of athletes-runners on themselves within the framework of M. Foucault's "technologies of self" in order to improve their quality as an ethical subject is investigated; Fucoldian interpretations of some actual and potential problems of running sports are given, contributing to their deeper understanding (running addiction; strengthening control over runners using technical means; eugenics and neo-eugenics; cyborgization of athletes; doping as a component of anatomical and biopolitics; authoritarian coaching practices).

Keywords: transgression, power, biopolitics, anatomo-politics, running, the philosophy of sports, disciplinary practices, cyborgization, doping, coach

References (transliterated)

1. Rudnev Yu. V. Dva tela Fuko (ocherk sovremennoego sostoyaniya Foucault Studies) // Politiya. 2015. №4 (79). S. 48-68.
2. Markula P., Pringle R. Foucault, Sport and Exercise: Power, Knowledge and Transforming the Self. London: Routledge, 2006. doi: 10.4324/9780203006504

3. Pronger B. *Body Fascism: Salvation in the Technology of Physical Fitness*. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
4. Andrews D. L. Desperately Seeking Michel: Foucault's Genealogy, the Body, and Critical Sport Sociology // *Sociology of Sport Journal*. 1993. № 10. Pp. 148-167.
5. Hargreaves J. The Body, Sport and Power Relations // *The Sociological Review*. 1985. № 33. Rr. 139-159. doi:10.1111/j.1467-954x.1985.tb03304.x
6. Harvey J., Rail G. Body at Work: Michel Foucault and the Sociology of Sport // *Sociology of Sport Journal*. 1995. № 12. Pp. 164-179. doi:10.1123/ssj.12.2.164
7. Markula R. Contextualizing the Material, Moving Body // Newman J. I., Holly T., David A. (eds.) & 22 more. *Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2020. Pp. 47-68.
8. Pringle R. Masculinities, Sport, and Power: A Critical Comparison of Gramscian and Foucauldian Inspired Theoretical Tools // *Journal of Sport & Social Issues*. 2005. Volume 29. № 3. Rr. 256-278. doi: 10.1177/0193723505276228
9. Denison J., Mills J. P. Planning for distance running: coaching with Foucault // *Sports Coaching Review*. 2005. № 3:1. Rr. 1-16. doi: 10.1080/21640629.2014.953005
10. Denison J., Pringle R., Cassidy T., Hessian P. Informing Coaches' Practices: Toward an Application of Foucault's Ethics // *International Sport Coaching Journal*. 2015. № 2. Rr. 72-76. doi: 10.1123/iscj.2014-0147
11. Luke J., Denison J. Jogging Not Running: A Narrative Approach to Exploring «Exercise as Leisure» after a Life in Elite Football // *Leisure Studies*. 2019. № 38.6. Rr. 831-844. doi: 10.1080/02614367.2019.1662831
12. Konoval T., Denison J., Mills J. The cyclical relationship between physiology and discipline: one endurance running coach's experiences problematizing disciplinary practices // *Sports Coaching Review*. 2018. № 8. Pp. 1-25. doi: 10.1080/21640629.2018.1487632
13. Mills J., Denison J. Coach Foucault: problematizing endurance running coaches' practices // *Sports Coaching Review*. 2013. Vol. 2. № 2. Rr. 136-150. doi: 10.1080/21640629.2014.913871
14. Pringle R. Social Theory for Coaches: A Foucauldian Reading of One Athlete's Poor Performance A Commentary // *International Journal of Sports Science & Coaching*. 2007. Volume 2. № 4. Pp. 385-393. doi: 10.1260/174795407783359641
15. Jones L., Avner Z., Denison J. «After the Dust Settles»: Foucauldian Narratives of Retired Athletes' «Re-orientation» to Exercise // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2022. № 4. Rr. 1-11. doi: 10.3389/fspor.2022.901308
16. Bridel W., Rail G. Sport, Sexuality, and the Production of (Resistant) Bodies: De-/Re-Constructing the Meanings of Gay Male Marathon Corporeality // *Sociology of Sport Journal*. 2007. № 24. Pp. 127-144. doi:10.1123/ssj.24.2.127
17. Johns D., Johns J. Surveillance, subjectivism and technologies of power: An analysis of the discursive practice of high-performance sport // *International Review for The Sociology of Sport*. 2000. № 35/2. Rr. 219-234. doi: 10.1177/101269000035002006
18. Manley A., Williams S. «We're not run on Numbers, We're People, We're Emotional People»: Exploring the experiences and lived consequences of emerging technologies, organizational surveillance and control among elite professionals // *Organization*. 2019. № 29. Rr. 1-22. doi: 10.1177/1350508419890078
19. Belozerov V. I. *Sotsiologiya sporta vo Frantsii i v Germanii* // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2022. № 3 (169). S. 45-50.

20. Bogdanova M. A. Rozhdenie novoi telesnosti v praktikakh sportivnogo dvizheniya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2013. № 1. S. 64-69.
21. Kurakin D. Modeli tela v sovremenном populyarnom i ekspertnom diskurse: k kul'tursotsiologicheskoi perspektive analiza // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2011. № 1-2. S. 56-74.
22. Bykhovskaya I. M. Fizicheskaya kul'tura kak kul'tura tela: antropologicheskii kontrapunkt prirodnogo i sotsial'nogo // Vestnik MGPU. Seriya: Estestvennye nauki. 2020. № 4 (40). S. 92-109.
23. Voronin A. A. Antropologicheskie osnovy sporta: k postanovke voprosa // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2020. № 4. S. 96-107.
24. Starostina D. A. Sotsiologiya tela kak samostoyatel'noe issledovatel'skoe napravlenie: predposylki stanovleniya i predmetnoe pole // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2023. № 3. S. 485-502. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-485-502
25. Popova O. V. Sport v mire tekhnologii: etos i biopolitika // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2018. № 3. S. 102-111.
26. Shemyakina E. V. Filosofskii analiz ponyatiya «distsiplina tela» // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2014. № 169. S. 34-38.
27. Makarychev A., Medvedev S. Doped and disclosed // Politics and the Life Sciences. 2019. № 38. Rr. 1-12. doi: 10.1017/pls.2019.11
28. Sport, Physical Culture and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies / Ed. by Newman J. I., Thorpe N., Andrews D. L. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2020.
29. Fuko M. Arkheologiya znaniya / Per. s fr. M. B. Rakovoi, A. Yu. Serebryannikovoi. SPb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004.
30. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / Per. s fr. Vladimira Naumova pod red. Iriny Borisovoi. M.: Ad Marginem, 1999.
31. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti / Sost., per. s fr., komment. i poslesl. S. Tabachnikovoi. M.: Magisterium: Izd. dom «Kastal!», 1996.
32. Fuko M. Intellektualy i vlast'/ Per. s fr. S. Ch. Ofertasa. M.: Praksis, Ch. 3. 2006.
33. Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Routledge, 2003.
34. Fuko M. Germenevtika sub"ekta (vyderzhki iz lektsii v Kollezh de Frans, 1981-1982 gg.) // Sotsio-Logos. 1991. Vyp. 1. S. 284- 311.
35. Fuko M. Iстория сексуальности-III: Забота о себе / Per. s fr. T. N. Titovoi i O. I. Khomy. Kiev: Dukh i litera; Grunt; M.: Refl-buk, 1998.
36. Fuko M. Ispol'zovanie udrovol'stvii. Iстория сексуальности. T. 2 / Per. s fr. V. Kapluna. SPb.: Akademicheskii proekt, 2004.
37. Fuko M. O genealogii etiki: obzor tekushchei raboty // Logos. 2008. № 2 (65). S. 135-158.
38. Kylasov A. V. Etnosport. Rukovodstvo pol'zovatelya: traktat. M.: Sport, 2023.